

БОРИС РУДЕНКО
**ОСТРОВ,
КОТОРОГО НЕТ**

ВЕЧЕ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

Борис Руденко

Остров, которого нет

«ВЕЧЕ»

2020

Руденко Б. А.

Остров, которого нет / Б. А. Руденко — «ВЕЧЕ», 2020 — (Новая библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-4484-8484-1

Трое межзвездных странников в портовом кабачке позабытой колонии на далекой планете нанимают лучшего шкипера, чтобы тот доставил их на таинственный Золотой остров. По пятам их преследуют загадочные темные личности, вокруг острова, не стихая, бушует смертоносный ураган, а путь к заветному берегу преграждают неприступные скалы. Но что-то толкает беглецов на верную гибель, заставляя стремиться прямо в Зев Дьявола...

ISBN 978-5-4484-8484-1

© Руденко Б. А., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Остров, которого нет	6
Мертвые земли	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Борис Руденко Остров, которого нет

© Руденко Б.А., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Остров, которого нет

Пента-Водка вошел в кабачок, потоптался на высоком пороге, щурясь со свету на дымный полумрак, а потом, разглядев меня, устремился к моему столу и уселся напротив, не спросив приглашения.

– У тебя нет денег, – сказал Пента-Водка, и прозвучало это не как вопрос, а утверждение, отчего мне сразу захотелось шарахнуть ему кружкой по башке.

А в этот момент в погребеке Фарнифа я спокойно ел свою кашу из овощей с моллюсками, запивая горячее варево глотками пива.

– Взаймы я тебе не дам, – ответил я и отставил кружку от Пенты подальше, дабы избежать соблазна.

– Да я и не прошу, – ощерился он, показав острые ровные зубки, которые неведомо как сохранил целыми при своей наглой морде. – Я, капитан, как раз хочу тебе помочь деньги заработать.

Тут я потянулся к кружке с возобновленным желанием расколоть ее о череп Пенты-Водки, он догадался и поспешно спрятал ухмылку, заодно сменив тон.

– Я не шучу. Есть трое сумасшедших из столицы, которые хотят тебя нанять, они сейчас сюда придут. Я тебя познакомлю, если ты пообещаешь мне комиссионные.

Я начал подниматься, намереваясь вышвырнуть Пенту из-за стола. И снова он понял мое намерение, потому что заговорил быстро и едва ли не жалобно:

– Это правда, правда! Они сейчас придут, у них есть деньги и они хотят нанять судно.

– Почему именно мое?

Прежде чем ответить, Пента-Водка на всякий случай отодвинулся от меня подальше.

– Потому что ты такой же сумасшедший, как они. Им нужно попасть на Золотой остров. Они искали капитана Герсебома, но, когда узнали, что он умер, стали спрашивать, кто бы смог отвезти их к Зеву Дьявола.

Я хотел засмеяться, но Пента-Водка замахал руками и продолжил:

– Знаю, знаю! Хотя тебя считают сумасшедшим, но ты не идиот. Тебе же вовсе не обязательно доставлять их на Золотой остров. Если кому-то вздумалось покататься по океану – зачем им мешать! Да и Герсебом, в конце концов, был твоим давним приятелем. В общем, они хотят нанять твою «Клео» и готовы за это хорошо заплатить. Ты понимаешь? Просто нужно взять деньги вперед... Ты покажешь им Зев Дьявола издалека, и они попросят тебя вернуться. А я рассчитываю на комиссионные. Теперь понимаешь?

Теперь я понял. В самом деле, потаскать по океану дураков, не представляющих, куда они лезут, несложно. Тем более за наличные, которых мне действительно здорово не хватало. При чем почти всегда.

– Ты получишь свои комиссионные, если оплата будет щедрой, – решил я. – Где твои клиенты? Веди их сюда.

Пента-Водка приподнялся со скамьи, шлепнулся на прежнее место и показал на вход:

– Вот они!

В это время года в Климбе всегда было немало чужаков: мелкие скупщики и посредники крупных торговых сетей (первые покупали морское мясо последних уловов, вторые заключали с капитанами контракты на следующий сезон), бригады судовых ремонтников, ожидающих подрядов от хозяев вставших на зимний отдых кораблей, торговцы судовым оборудованием и прочий деловой и рабочий люд. Но курортников и туристов из столицы среди них уже не было, поскольку курортный сезон давно закончился. А новые посетители в столичной одежде выглядели как курортники, поэтому разговоры вокруг ненадолго смолкли, завсегдатаи беззастенчиво рассматривали вошедших.

Мужчина, женщина и подросток – мальчик или девчонка – в блестящих от дождевой влаги плащах и с одинаковыми заплочными мешками, довольно объемистыми, осматривались вокруг. Пента-Водка поднял руку, чтобы привлечь их внимание, но они и сами заметили его и направились к нам. Пента-Водка суетливо принялся их усаживать.

– Вот, – тараторил он, – это тот, о ком я вам говорил. Капитан Якоб. Самый опытный моряк на всем побережье. Вы не пожалеете, что познакомились с ним. Герсебом, кстати, считал Якоба своим лучшим другом.

Они сняли с плеч поклажу, сбросили мокрые плащи и сели.

– Меня зовут Брант, – сказал мужчина. – Это Лотта и Гемм.

Подскочил официант, готовый немедленно принять заказ, но Брант коротким движением руки показал, что следует обождать, и тот вежливо отступил на несколько шагов.

Я с немалым любопытством разглядывал гостей. Внешне Брант выглядел лет на пятьдесят или даже больше. Короткие и густые, когда-то сплошь черные волосы на голове запятнали неровные седые отметины. Морщины на задубелой, обветренной коже лица казались прорезанными резцом скульптора. Свитер грубой вязки не мог скрыть могучего сложения, а толстые запястья не оставляли сомнений в невероятной мощи рук. Женщина могла быть его супругой, равно как и дочерью – огромные глаза на прекрасном матовом лице не позволяли даже загадывать о возрасте. Подросток, на вид ему казалось лет тринадцать-четырнадцать, не был похож ни на него, ни на нее: просто худой мальчишка с растрепанными волосами цвета прошлогодней соломы. Самый обычный мальчишка, кабы не его необычный взгляд. Он словно был устремлен внутрь самого себя, а окружающим доставалось лишь то, что отразилось от зеркала его души. При этом он не казался больным или убогим – только странным. Я внезапно испытал ощущение, что эти трое отнюдь не столичные жители – они лишь кажутся похожими на них. Или даже хотят казаться. С каждым мгновением ощущение это крепло. Из каких они мест – я не знал, зато мог сказать точно, что в тех местах мне бывать не приходилось.

– Надеюсь, вы уже знаете, что нам нужно? – спросил Брант.

– Не уверен, – покачал я головой. – Но если Пента объяснил ваше желание точно, отвечу сразу: такое вряд ли возможно.

– О чем ты говоришь, Якоб! – возмущенно воскликнул Пента-Водка. – Всем известно, что только ты один способен это сделать!

– Заткнись, – оборвал я его и повернулся к пришельцам. – Не знаю, кто распускает обо мне такие слухи, но я не собираюсь водить вас за нос и выманивать деньги за гнилой товар. Никто и никогда не сможет попасть на Золотой остров. А сейчас туда и близко соваться нельзя. Зев Дьявола уже набрал полную силу. Он разнесет любое судно еще далеко до линии рифов. А если этого не случится, рифы все равно не преодолеть.

Они, все втроем, переглянулись, как мне показалось, с некоторым разочарованием. Но я готов был поклясться, что разочарование это вызвано не моим объяснением, а исключительно отказом. Может быть, они не поверили? Или просто не знают, что такое Зев Дьявола?

Брант придвинулся к столу ближе и заговорил мягко и спокойно, словно с ребенком.

– Нам не нужен никакой Золотой остров, – начал он. – И если ваш товарищ отчего-то так решил, то, скорее всего, он неправильно нас понял.

– Он мне не товарищ, – проворчал я, зыркнув на Пенту.

– В любом случае, мы ценим вашу откровенность, – продолжал Брант. – А предложение наше вообще-то звучит немного иначе: согласитесь ли вы отвезти нас к Зеву Дьявола, следуя маршрутом, который мы вам укажем, и в то время, которое назовем?

– Подозреваю, что это плавание окажется для меня последним, – хмыкнул я. – И для вас, кстати, тоже.

– Мы не самоубийцы и не собираемся подвергать риску ни себя, ни вас, – покачал головой Брант. – Давайте договоримся так: мы идем к Зеву Дьявола, но вы поворачиваете обратно, как только пожелаете.

– Тогда зачем вам я? Прокатить вас по морю и показать Зев Дьявола издали сможет любой лодочник.

– Нам известно, что вы хорошо знаете эти воды. Может быть, лучше всех.

Слова эти были мне приятны, но на мое решение повлиять не могли.

– К тому же мы хорошо заплатим, – внезапно вмешалась женщина. – И готовы внести плату вперед.

Красота ее голоса меня поразила. Наверное, так должна отвечать рассвету арфа, когда ее струн касаются утренние лучи солнца. Оттого я помедлил с ответом, а тем временем она расстегнула куртку, вытащила из внутреннего кармана и положила передо мной на стол толстенную пачку ассигнаций.

Мне показалось, что в погребке снова установилась тишина. Денег было действительно много, видеть их сейчас, кроме нас, никто не мог, но я физически ощутил, как со всех сторон на нас устремились заинтересованные взгляды, а потом понял почему: слова «большие деньги» ярко пылали на лице проклятого Пенты-Водки. А народ в погребке Фарнифа собирался достаточно ушлый и опытный, чтобы понять, на что именно может смотреть Пента с таким выражением.

И тут я внезапно понял, что соглашусь. Нет, не из-за денег, хотя из-за них – тоже. Эти трое выглядели, как загоняемая охотниками и собаками дичь. Правда, дичь разной породы. Лотта – хрупкая беспомощная лань. Брант – смертельно опасный хищник, способный выпустить кишки не одному загонщику, пока его, наконец, не убьют или скрутят. Гемм... Про него я ничего не мог сказать. Кроме того, что сейчас он находился в стае, на которую охотятся.

– Уберите, – сказал я. – Заплатите, когда мы вернемся. Если вернемся. Я согласен... Впрочем, дайте сотню Пенте – он это заслужил. Кстати, ты, Пента, можешь идти.

Женщина спрятала пачку, а Пента схватил купюру и, бормоча слова благодарности, выбежал из погребка. Тогда я принялся доедать остывшую кашу, а Брант позвал официанта и сделал заказ, который очень скоро появился на столе, и тогда я увидел, что все трое были очень голодны. Некоторое время мы просто молча поглощали пищу.

– Мы можем отплыть завтра утром, – сказал я, сделав последний глоток из кружки.

– Нет, – отрицательно качнул головой Брант. – Отплывать нужно послезавтра, не раньше. Может, вы все же возьмете задаток?

– Хорошо, значит, послезавтра, – ответил я, оставляя без внимания его предложение насчет задатка. – Других заказов у меня нет и не будет. На пристанях Климба наступает мертвый сезон. Но не забудьте о главном условии нашего договора.

– Вы на самом деле хорошо знали Герсебома? – неожиданно спросила Лотта.

– Он был моим другом. А вы его тоже знали?

– Нет, – отрицательно повела она головой. – Я о нем только слышала. От чего он умер?

– От жизни, – пожал я плечами. – От старости. Герсебому перевалило за седьмой десяток.

Она коротко переглянулась с Брантом, потом, словно машинально, достала из кармана странную вещицу – серебряный диск размером с половину ладони на цепочке. В диске был вырезан сектор примерно в тридцать градусов. Не сводя с меня взгляда, Лотта вертела украшение в руках. Я глянул на вещицу лишь мельком, никак не показав, что она меня заинтересовала. Мне почудилось, что на лицах Лотты и Бранта проступило разочарование. Лотта вздохнула и спрятала вещицу.

– Как мы найдем ваш корабль? – спросил Брант.

– Мое судно называется «Клео», оно стоит в самом конце седьмого причала. Там и встретимся послезавтра на рассвете.

Они быстро доели, расплатились с официантом (слава Небесам, не из той огромной пачки, а из кошелька Бранта) и, попрощавшись, вышли из погребка. Ну а я заказал еще кружку, решив немного посидеть в тепле. И тут же увидел, что сидевшая неподалеку компания из трех человек слаженно поднялась из-за стола и неторопливо направилась к выходу. Я тоже встал и с такой же неторопливостью зашагал к двери в сортир. Вопросительно взглянувшему на меня официанту я знаком показал, что мой последний заказ остается в силе, и он успокоенно кивнул, увидев, что куртка клиента – моя куртка – осталась лежать на скамье.

Но вместо того, чтобы занять кабинку, воняющую мочой и испражнениями, я скользнул по тесному коридорчику к выходу во внутренний двор и выбежал в проулок. Дождь на время прекратился, холодный ветер гнал по улице всякий мусор, но мне было не холодно. Моих клиентов следовало предупредить об опасности, которая казалась мне очевидной. На главной улице в этот час на них не нападут. Скорее всего грабители объявятся на пустыре, сразу за ярмарочными рядами. Туда я и побежал, намереваясь перехватить и предупредить неосторожных гостей. Я мчался изо всех сил и, наверное, успел бы вовремя, кабы не налетел на тележку зеленщика, которую тот выкатил из-за угла прямо мне под ноги.

От тележки в результате столкновения остались лишь колеса да щепки, от зелени – суп из лужи с уличной грязью. Пока я под вопли торговца поднимался, смирив боль в ушибленном колене, а потом ковылял с проворством хромой утки, минуты текли, и конечно же я опоздал. Когда я выбежал на освещенную закатом площадку за складской стеной, все было кончено. Два налетчика валялись на земле тряпичными куклами, третий, согнувшись, убежал прочь, выписывая зигзаги. И тут же мое горло и предплечье сжали стальные тиски. Меня встряхнули так, что лязгнули зубы и притиснули к стене, едва не расплющив.

– Это ты их послал за нами? – Лицо Бранта оказалось рядом с моим и написанное на нем выражение не обещало ничего хорошего.

Лишенный возможности ответить, я лишь попытался отрицательно мотнуть головой, и тогда сжимавшие меня тиски слегка ослабли.

– Я... просто не успел предупредить, – прохрипел я.

Несколько секунд Брант смотрел мне в глаза, потом разжал руки.

– Они... живы? – спросил я, кивнув на лежащих.

– Не думаю.

– Тогда очень жаль, что третьему удалось уйти, – сказал я, потихоньку массируя горло. – Это люди Локуфы. Он не прощает обид. Вас будут искать и наверняка скоро отыщут.

– Кто такой Локуфа?

– Ночной король Климба и окрестностей.

– Бандит, – хмыкнул Брант.

– Думаю, немного больше, чем просто бандит, – уточнил я. – А вы здесь – чужие. Потому он для вас очень опасен. Где вы остановились?

– Пока нигде, – пожал плечами Брант. – Пента подвернулся нам едва мы сошли с паровика. Он что-то говорил насчет гостиницы.

– Никакой гостиницы! – воскликнул я. – Там вас будут искать в первую очередь. Идите сразу на причал. На судне мой помощник, его зовут Горан. Покажете ему вот это, – я стянул с левой руки медный браслет и передал Бранту, – он вас устроит. Может, каюта покажется вам тесноватой, но там тепло и безопасно. Идите скорее. Постарайтесь никому не попадаться на глаза. А я должен вернуться в погребок, пока моего отсутствия никто не заметил...

Боль в колене почти прошла, и обратный путь я проделал достаточно быстро. На мое счастье, дождь так и не начался, поэтому в погребок я вернулся сухим. Вышел из коридорчика и скользнул на свое место. Подвальчик к этому времени был заполнен народом и на меня никто не обратил внимания. Кружка с пивом уже стояла на столе, на ней я и сосредоточился.

Я подозревал, что мое одиночество окажется недолгим – так оно и произошло – но нарушили его вовсе не жаждущие отмищения люди Локуфы.

Два чужака в одинаковых темных дождевиках подошли к стойке. После короткого разговора с буфетчиком устремились ко мне и уселись за стол. Это были мужчины средних лет, сильные и крепкие, с решительными лицами профессиональных солдат.

– Капитан Якоб? – спросил тот, что выглядел постарше, с белой полоской шрама на подбородке.

Я молча ждал.

– Мы ищем наших друзей, – продолжал человек со шрамом, – мужчину, женщину и мальчика. Они приехали в Климб с дневным паровиком. Буфетчик сказал, что вы с ними знакомы.

– Не более, чем с вами. – Я равнодушно пожал плечами и хлебнул из кружки. – Они были здесь, но я никогда не видел их прежде.

– Однако они искали именно вас.

– Так сказал буфетчик? – удивился я. – В таком случае, он вводит вас в заблуждение. Вначале они искали капитана Герсебома, а потом просто корабль, который мог бы отвезти их в Северную Гавань.

– Кто такой Герсебом? Что им нужно в Северной Гавани? – Оба вопроса прозвучали почти одновременно, но первый чуть раньше, и я ответил на них в порядке очередности.

– Герсебом был таким же капитаном, как и я и многие другие в Климбе. Он умер год назад. А насчет их намерений относительно Северной Гавани мне ничего не известно, потому что я не согласился.

– Вот как? – Первый недоверчиво поднял брови. – Вы так легко отказались от выгодных клиентов?

– Не знаю, насколько они могли оказаться выгодными. Только мое судно вряд ли отойдет от причала до весны. Этот сезон закончился и нужно готовиться к следующему. Я уже наполовину разобрал судовую машину.

Тот, что помоложе, что-то негромко сказал на ухо человеку со шрамом, и он так же тихо ответил.

– Куда они пошли? – услышал я новый вопрос.

– Этого я тоже не знаю, – развел я руками. – Они поели здесь, а потом просто ушли. Может быть – в порт, искать другое судно. Хотя вряд ли у них что-нибудь получится. Может быть – в гостиницу. А может – на станцию и теперь уже едут на паровике обратно в столицу.

– Я надеюсь, вы говорите нам правду, капитан. – Человек со шрамом пристально смотрел мне в глаза, и я спокойно выдержал его взгляд.

– У меня нет причины что-либо скрывать, – сказал я. – Они мне никто. Как и вы, впрочем. Он отвел взгляд и некоторое время размышлял.

– Значит, в Северную Гавань... – проговорил он. – Так вы говорите, что судно им не найти? Неужели в Климбе не осталось моряков, желающих заработать?

– За всех не поручусь, – ответил я. – Только выходить в океан в сезон ветров, когда любой шквал легко может утащить вас к Зеву Дьявола, желающих мало. Во всяком случае, в погребке Фарнифа сейчас таких нет.

Они еще раз коротко переглянулись и одновременно поднялись.

– Хорошо, капитан, – сказал старший. – Если вы встретите их или что-нибудь о них услышите – сообщите нам. Мы остановились в гостинице возле Соборной площади. Ваша услуга будет щедро вознаграждена.

– Я никогда не отказываюсь от награды, если она заслужена, – кивнул я. – Кстати, отчего бы вам здесь не поужинать? На кухне Фарнифа отлично готовят моллюсков на вертеле.

– Мы еще успеем их попробовать, – сказал человек со шрамом, и они ушли.

Я же вновь откинулся к стене, прихлебывая пиво и изображая состояние полного покоя и отрешенности от мирской суеты. Так я сидел примерно полчаса, а потом стал неспешно собираться. Оставил чаевые официанту, кивнул на прощанье буфетчику и вышел на улицу.

Стемнело. Снова шел дождь, размазывая в бесполезные блеклые пятна свет редких уличных фонарей. Улица была пуста. Точнее, она казалось пустой. Только пока я неторопливо шел по направлению к своему дому, испытывал неприятное ощущение чужого присутствия за спиной. В шуме ветра и дождевых струй шаги преследователя – если он действительно существовал на самом деле – были неразличимы. Несколько раз я оглянулся украдкой, ничего не заметил, но ощущение не пропадало, а своим ощущениям я привык доверять.

Я зашел в дом, поднялся в свою квартиру и, не раздеваясь, зажег лампу, предварительно отлив из резервуара масло почти полностью. Масло догорит, и лампа погаснет сама собой минут через десять. Для тех, кто следит за моим окном, это должно означать, что я улегся спать. Однако спать я не собирался. Через пару минут я уже спускался по стальному стержню громоотвода с другой стороны дома, при этом стукнувшись о стену ушибленным коленом, которое снова противно заныло. Превозмогая боль, стараясь ступать бесшумно и держаться в густой тени, я побежал в сторону порта.

* * *

Зев Дьявола – это всего лишь ураган, не более того. Но ураган не обычный. Ураганы бывают на всем пространстве океана. Они приходят и уходят, израсходовав свою разрушительную силу. Но Зев Дьявола не прекращается никогда. Он существует вечно и исчезнет лишь вместе со всем нашим миром. Это зона постоянного сильнейшего шторма диаметром около трехсот миль. Он немного стихает летом и набирает полную силу с наступлением зимы, он всегда находится на одном месте сотни, тысячи, а может, и миллионы лет, задолго до появления на этих берегах человека. Я не знаю, почему он такой, да и никто не знает, хотя столичные умники постоянно пытаются придумать какие-то объяснения.

А объяснений нет. Просто ураган – это постоянно распахнутые ворота ада, потому его и называли так – Зев Дьявола.

Там, внутри трехсотмильной зоны бурь, действительно есть остров. Молва нарекла его Золотым. Легенды рассказывают о несметных сокровищах, оставленных там Основателями мира под защитой бессмертного и несокрушимого сторожевого зверя – Зева Дьявола. Берега Золотого острова иногда можно было увидеть. Но только издалека. В сезон охоты на каракатиц, в самой середине лета, когда ураган ослабевает и немного смещается в сторону от своего постоянного центра, в зрительную трубу хорошо виден высокий скалистый берег, окруженный пенистой оградой бьющихся на рифах волн. В подвальчике Фарнифа любят почесать языком о том, что неким смельчакам случается преодолеть рифовую гряду, побывать на острове и даже успеть вернуться до возвращения адского сторожа сокровищ. Вот только сокровищ с острова никто в глаза так и не видел. Я не участвую в таких разговорах. Может быть, по этой причине некоторые бездельники и трепачи вроде Пенты-Водки считают, что я наведываюсь на Золотой остров как в собственный огород, которого, кстати, у меня тоже никогда не было.

Тех, кто верил сказкам о сокровищах, было немного. Но все же достаточно для того, чтобы раз в несколько лет в сторону Зева Дьявола отправлялось судно, набитое сумасшедшими искателями приключений и богатства. Нет, конечно же не от причалов Климба – в нашем городке сумасшедшие давно перевелись. Корабли дураков приплывали с юга и севера и лишь заправлялись у нас нефтью да пополняли запасы продовольствия, которое, полагаю, так ни разу и не было съедено до конца. Потому что ни один из этих кораблей никогда не возвращался. Он существовал, этот остров, и в то же время его словно бы не было...

* * *

Я торопился изо всех сил, но не терял при этом осторожности и был уверен, что избежал слежки. Никто не встретился мне на пути, потому что погода сделалась настолько мерзкой, что загнала в укрытия даже вечно голодных и невероятно горластых портовых псов.

Моя «Клео» мирно дремала в конце причала. Лишь на корме тускло мерцало пламя палубного фонаря. Сходни были убраны, поэтому я прыгнул на корму через борт, конечно же снова потревожив свое несчастное колено. Стук моих башмаков о палубу и, главным образом, громкая ругань – результат вновь испытанной боли – разбудили чутко спавшего Горана. Люк кормовой каюты откинулся, Горан с длинным ножом в руках словно кошка выпрыгнул на палубу, но поскольку я не прекращал шипеть и ругаться, он меня узнал раньше, чем собрался прикончить.

– Это вы, капитан, – сказал Горан, опуская нож и широко зевнул.

– Как наши пассажиры? – спросил я.

– Спят, – ответил Горан. – И я тоже сейчас мог бы спать.

– Извини, Горан, боюсь спать тебе не придется, – огорчил я его. – Мы уходим.

– Куда?

– Уходим из Климба. А остальное решим по пути.

– Хорошо! – только и ответил Горан. – Капитан, вы не возражаете, если я сначала оденусь?

Я знаю Горана уже два года и все это время не перестаю удивляться его фантастическому хладнокровию. До сих пор мне ни разу не удалось вызвать у него хоть что-то похожее на чувство изумления. Полагаю, одним из его предков действительно была холодная Мать-каракатица, от которой, по легенде, произошли люди Мраморных островов. Правда, согласно той же легенде, почти все они ушли в море. Но некоторые все же предпочли остаться на суше и бродят ныне среди нас, притворяясь настоящими людьми. Я не верю в глупые сказки, но в этой части для Горана был готов сделать исключение. Когда Герсебом передал мне «Клео» и я должен был найти помощника, Горан объявился словно по телеграфному вызову. Не успел еще высохнуть клей на объявлении, что я вывесил на главной площади Климба у ратуши, как он явился на причал. Тогда ему было двадцать четыре и меня не смутил его возраст, потому что я стал помощником Герсебома, когда мне только что стукнуло девятнадцать. Я сходил с Гораном в пробный рейс, после чего тут же зачислил на должность и еще ни разу о том не пожалел.

– Что-то случилось? – услышал я за спиной тихий вопрос и невольно вздрогнул. Брант подошел так незаметно, что слегка меня испугал. Рядом с ним, придерживая у шеи рукой наброшенный на плечи плащ, стояла Лотта.

– Случилось, – подтвердил я. – Слишком многие ищут с вами немедленной встречи.

– Этот ваш... Локуфа?

– Не только. Хотя и он тоже, не сомневайтесь. В Климбе объявились два чужака – видимо, они приехали с вечерним паровиком. Они спрашивали меня о вас, и они мне не понравились.

– Как они выглядят? – спросила Лотта своим волшебным голосом, и снова замороженный его звучанием я помедлил с ответом.

– Они похожи на гвардейцев епископата, – ответил я после паузы. – И у старшего из них – вот здесь, – я приложил палец к своему подбородку, – след от удара ножом.

Лотта ту же стиснула воротник плаща и отступила на полшага.

– Человек со шрамом на подбородке, – сказала она. – Они нас нашли.

– Они вас не нашли, – возразил я с неожиданной для себя энергичностью. – Никто вас пока что не нашел.

– Что вы намерены делать, капитан? – спросил Брант.

Мне понравился тон, которым этот вопрос был задан. Тон был вежливый и фактически просительный. Ометины его железных пальцев все еще горели на моей шее, но сейчас Брант находился в смятении и нуждался в помощи, которую ему мог оказать только я.

– Удирать, – сказал я. – С первым признаком рассвета, каким бы жалким он не оказался.
– Почему не прямо сейчас?

Меня удивила его неосведомленность. Она граничила с наивностью, негодной для его лет.

– Потому что вначале надо разогреть котел и запустить машину и на это потребуется некоторое время. К тому же в темноте я не сумею провести «Клео» между волноломами.

– Да, я понял, – быстро сказал он. – Если вам нужна моя помощь...

– Помощь не нужна, – ответил я. – Но если она понадобится, я вас непременно позову. Позаботьтесь о ваших спутниках. В такую погоду лучше находиться в тепле.

– Поступайте, как считаете нужным, капитан Якоб, – сказал Брант. – Мы надеемся на вас.

Я смотрел, как они прошли на нос, спустились в каюту и захлопнули за собой люк. А волшебный голос Лотты продолжал звучать в моих ушах...

* * *

Топка жадно пожирала нефть, и температура в котле машины поднималась даже несколько быстрее, чем я рассчитывал. Когда восходящее светило разделило океан и небо серой полоской на горизонте, давления пара было достаточно, чтобы отправляться в путь. Самое время. Погода предательски переменилась. Ветер стих, дождь прекратился. А труба «Клео» – единственной из всей флотилии кораблей, приткнувшейся к причалам, замершим на рейде в акватории порта, – всюду чадила черным дымом, который менее чем через полчаса будет виден с любой городской окраины.

Я прыгнул на причал, отвязал концы от кнехтов, перебросил на борт и вернулся на палубу. Из люка машинного отделения выглянула чумазая физиономия Горана.

– Отваливаем, капитан?

Я забрался в рубку, покачал для пробы штурвал и перевел сектор скорости в положение «малый ход». Винт вспенил воду, и «Клео» начала неторопливое движение. И в этот момент я увидел, как от берега в нашу сторону бегут две темные фигуры. Полоса воды между «Клео» и причалом достигала не менее десятка метров, когда эти двое добежали до места швартовки. И тогда я узнал вчерашних чужаков.

– Эй, капитан! – крикнул старший. – Не захватите ли нас в плавание.

Я помахал им рукой в знак приветствия, а потом изобразил жестами отказ с глубочайшим сожалением: рад бы, да никак не получается. «Клео» между тем уплывала все дальше, я увеличил скорость и нацелил форштевень судна на выход из акватории порта. Когда мы совершили левый поворот, устремившись в море, я в последний раз взглянул на причал и с удивлением увидел, что народа там изрядно прибавилось. Те, кто подбежал позже, угрожающе махали руками и разевали в криках рты, но на таком расстоянии разобрать слов было уже нельзя.

Отворилась дверца, и в рубку вошел Брант.

– Кто это? – спросил он.

– Полагаю, все, кто вас ищет, – ответил я. – Те двое, а еще люди Локуфы. Мы отвалили очень вовремя.

– Они могут погнаться за нами?

– Такое вполне возможно, – согласился я. – Но опасаться этого не следует. Прежде им нужно найти судно, потом развести пары, а к этому времени мы будем уже далеко. К тому же догнать «Клео» совсем не просто.

Последнюю фразу я произнес с гордостью. Мой корабль действительно считался одним из самых быстрых на всем побережье.

– Куда мы плывем?

– На Мраморные острова. Где-то ведь нужно переждать эти два дня.

– Но если будет погоня... Какова вероятность того, что нас там смогут обнаружить?

Я пожал плечами.

– Вероятность всегда существует. Но, если бы меня попросили за два дня отыскать того, кто скрывается в бухтах и шхерах архипелага, я бы тут же отказался.

– Вы можете показать на карте наш маршрут? – спросил Брант.

– Конечно. Идите в каюту. Я позову к штурвалу Горана и приду через несколько минут.

Котел был разогрет до нормы, а нефть исправно поступала из резервуаров в топку. Убедившись, что все в порядке, Горан перебрался из машинного отделения в рубку, сменив меня у штурвала, а я отправился к пассажирам.

Пассажирская каютка на носу была крохотной, но на мой взгляд достаточно удобной. Во всяком случае, четверо гостей могли разместиться на двухъярусных койках, не толкая друг друга в бока. Кто-то из завистников однажды брякнул, что гостевые апартаменты «Клео» похожи на четырехместный гроб, но я даже не стал отвечать на подобную нелепость.

Мои пассажиры не выглядели уставшими, хотя выспаться в эту ночь им скорее всего не пришлось. Ни Лотта, ни мальчик Гемм, со странным, обращенным внутрь взглядом, казавшийся и завораживающим и немного пугающим. Я принес с собой карту, но увидел, что у пассажиров имеется своя, которую они уже разложили на маленьком столике.

Карта гостей была необычной, отпечатанной на белом матовом материале, на ощупь напоминавшем мягкую кожу, но тонким, как бумага, – все-таки в столице в последнее время делали немало забавных вещей. Но было в ней еще кое-что, меня сильно удивившее. В некотором отношении карта оказалась довольно точной: координаты Климба, линия примыкающей к нему части побережья, а также границы Зева Дьявола были указаны верно. Зато все прочее обозначалось весьма условно. Например, Мраморные острова, располагавшиеся справа от линии, соединяющей порт Климба и центр урагана, выглядели на карте просто стайкой небрежных клякс на теле океана, что с истинным положением вещей имело очень мало общего. Эта карта не годилась для навигации, ее создавали для чего-то иного.

– Сейчас мы идем примерно сюда, – ткнул я пальцем в чернильные кляксы. – Точнее не покажу, для этого ваша карта не годится. Но у меня есть более точная, и если вы хотите посмотреть...

– Не нужно, – остановил меня Брант. – Сейчас меня интересует другое. Черед два дня – теперь уже через полтора – мы должны оказаться в этой точке. Это возможно?

Он показал на тот участок изделия столичных картографов, которому я склонен был доверять.

Я посмотрел и отрицательно покачал головой.

– Если мы там окажемся, то уже не вернемся. Нас разобьет в щепки. Это зона постоянных восьмибалльных штормов. «Клео» крепкое судно, но такие испытания не для нее.

– Капитан Якоб, я гарантирую, что волнение там в это время не будет превышать трех-четырех баллов, – спокойно и настойчиво сказал Брант.

– Чушь собачья, – фыркнул я.

– Посмотрите внимательно, капитан, – попросил он.

Я пожал плечами и вновь наклонился над картой. То, что я увидел, меня немало удивило и развлекло. Подкрашенное серым пятно, обозначавшее территорию Зева Дьявола, смещалось. Оно слегка передвинулось на север, свернуло на запад, на юг и вновь вернулось на прежнее место, завершив круговое движение, а затем вновь начало двигаться по той же траектории. Я протянул руку и коснулся пятна пальцем, но ощутил лишь прохладную и гладкую поверхность. Мое прикосновение не удержало пятно и не замедлило его движения. Я смотрел как замороженный и обнаружил еще одну особенность. Пятно было неоднородным. Внутри имелся фраг-

мент неправильной формы, покрашенный темнее. Этот фрагмент в процессе эволюций Зева Дьявола оставался неподвижным и в определенные моменты оказывался то на его границе, то вновь в центре.

– Славные игрушки делают у вас в столице, – проговорил я, не скрывая восхищения. – Никогда не видел ничего подобного. А теперь объясните, как это понимать?

– Очень просто. – Брант с улыбкой переглянулся с Лоттой и мальчиком, которые пока не показали намерения принять участия в беседе. – Вы же сами прекрасно знаете, что ураган не стоит на месте. Он постоянно движется по окружности вокруг некоторого центра. Движение очень трудно, пожалуй, даже невозможно, заметить с борта корабля, но оно существует. Мы вычислили его и нанесли на карту.

– Это, надо полагать, остров? – показал я на темный фрагмент.

– Верно, – сказал Брант. – Золотой остров. Собственно, туда нам и надо и мы хотим попросить вас отвезти нас на него. Вот посмотрите.

Он что-то сделал с картой, и движение Зева Дьявола вначале немного ускорилось, а потом прекратилось. В этот момент западная оконечность Золотого острова изрядно выдавалась за границу урагана. А чуть ниже на карте высветились цифры, показывающие день и час, в которые, надо полагать, такое должно произойти.

– Теперь вы понимаете? – Брант внимательно наблюдал за моей реакцией.

– Где делают такие игрушки? – поинтересовался я, огладив пальцами краешек карты. – Может, и для меня найдется такая?

– В одной столичной мастерской. Их изготовлено совсем немного, буквально единицы экземпляров. Но если хотите, мы подарим вам эту карту, как только окажемся на острове. Собственно, вы можете взять ее прямо сейчас.

– А вы уверены, что ваши вычисления верны? – спросил я.

– Уверен.

– Вычисления проверялись много раз, – негромко сказала Лотта. – Им предшествовали десятки лет наблюдений.

– Наблюдений? – посмотрел я на нее. – За все время, что живу в Климбе, не встречал здесь ни одного столичного наблюдателя.

Мне показалось, что моя реплика ее немного смутила.

– Есть много разных методов, – вмешался Брант. – Наука не стоит на месте. Но сейчас важнее всего другое: сумеете ли вы привести «Клео» в эту точку в назначенное время?

– Это не самое трудное, – сказал я. – Если не секрет: что вы ищете на Острове? Неужели вы верите в сказки о несметных сокровищах?

Они переглянулись и негромко рассмеялись.

– Конечно нет, – сказала Лотта. – Просто нам очень нужно попасть на остров.

– Мы заключили договор, и я намерен его точно выполнять, – твердо сказал я. – Но и вы не забывайте о главном условии.

Я покинул каюту и вышел на палубу. Океан по-прежнему был пуст и спокоен, «Клео» легко рассекала его воды, все дальше удаляясь от берега. Поглядев в зрительную трубу в сторону порта, я обнаружил, что какой-то из пришвартованных кораблей чадит черным дымом, разогревая котел. Возможно, просто кто-то из рыбаков решил выйти на последнюю осеннюю охоту. Но могло быть и так, что наши враги все же решили попытать удачи и готовятся начать преследование. Меня это не слишком беспокоило. Я сложил трубу и поднялся в рубку.

Сверившись с курсом, я отпустил Горана отдыхать, чего он, надо сказать, ожидал с большим нетерпением. До Мраморных островов оставалось примерно часа четыре ходу.

* * *

Мраморные острова – архипелаг из нескольких десятков клочков суши и скал. Архипелаг необитаем, человеку здесь делать нечего. Этот мир принадлежал птицам, устроившим свои колонии на скалах, да тюленям, которые служили пищей для каракатиц-гигантов, если оказывались недостаточно проворны. Много лет назад в этих водах добывали самых крупных каракатиц, устраивавших свои гнезда в подводных пещерках, но когда на самом большом острове открыли залежи розового мрамора, удача рыбаков кончилась. Грохочущие и воняющие нефтью морские буксиры и грузовые баржи заполонили архипелаг. Не только тюлени и каракатицы, но и вся прочая морская живность отправилась на поиски новых обиталищ. Нашествию не сдались одни чайки.

Розовый мрамор вырезали из тел островов несколько десятков лет, его доставляли морем в Климб, а оттуда паровиками везли в столицу – именно этому мы обязаны появлению железной дороги, связавшей наше приморское захолустье с центральными районами страны. Однако лет пять назад добычу мрамора здесь прекратили, поскольку где-то на континенте обнаружили огромные залежи этого камня, разрабатывать которые оказалось намного дешевле. С тех пор на островах почти никто не бывал – разве что укрывавшиеся в бухточках и проливах от непогоды рыболовные суда.

Здесьние укрытия мне тоже были известны довольно неплохо. Я завел «Клео» в узкий извилистый проход, разделявший два соседних островка, где намеревался переждать остаток дня и ночь, вспугнув при этом небольшую семью тюленей, отдыхавших на галечном пляже. Это меня удивило и порадовало: тюленей со времени закрытия мраморных каменоломен я увидел здесь впервые.

Скалы полностью укрывали здесь судно со стороны моря. Топка работала на минимальной тяге, и труба совсем не дымила. Глубина пролива была достаточной, чтобы «Клео» подошла к скалистому берегу практически вплотную. Горан закрепил на камнях концы и перекинул с борта сходни, по которым мы все вместе сошли на остров. На всякий случай я намеревался устроить где-нибудь повыше наблюдательный пункт, из которого нам с Гораном, сменяясь, предстояло следить за океаном, а пассажиры решили немного осмотреться и размять ноги после пребывания в тесной каюте.

Мы с Гораном забрались на плоскую вершину скалы, переполошив обитающих здесь чаек. Покинув гнезда, они взмыли в воздух белой тучей и теперь угрожающе сваливались с небес почти на наши головы с возмущенными воплями, пытаясь изгнать со своей территории. Однако убедившись, что непосредственной угрозы мы не представляем, да и уходить не собираемся, постепенно успокоились. С этой точки нам открывался вид на три стороны света. Во всяком случае ни одно судно, идущее от побережья, незамеченным остаться не могло, а иные меня не интересовали. Но океан был чист, если не считать черной, сверкающей вспышками молний толстой колонны Зева Дьявола, поднимающейся далеко на горизонте.

Вручив Горану зрительную трубу, я отправился на судно: «Клео» нельзя было оставлять без присмотра надолго, поскольку котел следовало держать достаточно подогретым. В случае чего в течение десяти – пятнадцати минут должны были быть готовы сорваться со стоянки. Моя вахта была проще и приятней, чем вахта Горана. В тепле машинного отделения можно было подремать – за прошедшие сутки случилось многое и сон оставался единственным, чего мне действительно не хватало.

Спустившись на берег, я шел к нашей стоянке, когда вдруг услышал пронзительный крик Лотты. Скалы отразили его со всех сторон, и я не сразу понял, откуда он раздается, а когда сориентировался, бросился со всех ног, выхватив из ножен широкий морской тесак.

На берегу шла схватка. Каракатица – одна из самых огромных, что я видел, наполовину вывалив трепещущую голодной алчностью тушу из воды на камни, тянула к себе оплетенного щупальцами мальчишку. Половина из шестнадцати ее щупалец скрывались под водой, ухватившись за выступ скалы, но и оставшихся восьми вполне хватало для того, чтобы охота завершилась успешно. Брант пытался оторвать от жертвы мускулистые отростки по одному и всякий раз ему это удавалось, однако на освободившееся место с мокрым шлепком немедленно опускалось новое. Да и самому Бранту точно так же грозила гибель. Одно щупальце захватило его ногу, другое сковало левую руку, несмотря на всю мощь Бранта, борьба не могла закончиться в его пользу.

Сухо щелкнули выстрелы. Лотта с напряженным лицом всаживала в тело моллюска пули из небольшого автоматического пистолета, незнакомой мне системы. Это было бесполезно. Она не знала, где находятся четыре сердца каракатицы, и не могла их поразить. Свинцовые горошины не способны были пробить защищающий мозг мощный череп, а прочие раны каракатице не опасны. Упругая плоть пропускала пули сквозь себя без малейшего вреда для чудовища, неумолимо подтаскивающего двойную добычу к воде. Выстрелы смолкли – в пистолете опустела обойма. Пока Лотта ее меняла, я был уже рядом. Я увернулся от метнувшегося мне навстречу щупальца, прыгнул и упал на сколький мускулистый мешок, вонзив тесак до рукояти возле выступа, который следовало считать головой животного.

Каракатица почувствовала опасность. По меньшей мере три щупальца хлестали по мне, пытаясь схватить врага. А я тем временем безжалостно кромсал ее плоть, нащупывая острием в костяной броне отверстие, из которого от мозга по телу разбегались нервные волокна.

Успех в схватке сопутствовал нам обоим. Но мне – мгновением раньше. В тот самый момент, когда щупальце, скользнув между подбородком и грудью, обвило мою глотку, тесак попал в цель. Агонии не было. Щупальца просто опали, превращаясь в гнусные, холодные, но бессильные веревки. То щупальце, что готово было оторвать мне голову, лишь чуть дрогнуло и ослабло.

Я не убил каракатицу. Сделать это вообще непросто. Пока не поврежден мозг, животное остается живым. Надо сказать, это качество твари считается весьма полезным: оно позволяет доставлять моллюсков с побережья в столицу практически свежими. Я ее просто обездвигил – именно так поступают рыбаки, когда в их снасти попадает настолько же крупный экземпляр. Правда, иными орудиями и гораздо более безопасным способом.

Однако в любом случае битва была закончена. Лишенная возможности хотя бы вернуться в океан, каракатица будет жить еще некоторое время, сколько позволит ей чуждая воздушная среда, а потом подохнет и сгниет. Я сполз на камни, поднялся и принялся кое-как очищать одежду от налипшей крови и слизи. Брант выпутывал из потерявших упругость щупалец Гемма. Кажется, никто из них серьезно не пострадал.

Убедившись, что с Геммом все в порядке, Брант тяжело шагнул ко мне. Как я ни старался, но так и не сумел разглядеть на его лице признаки хоть какой-то благодарности за спасение. Наоборот. Брант глядел на меня, будто я был ближайшим родственником этой самой каракатицы.

– Почему ты не предупредил нас о возможной опасности? – спросил Брант тоном, в котором рокотала ярость урагана.

– Я о ней просто не предполагал, – пожал я плечами. – В Климбе всем известно, что каракатицы давно покинули Мраморные острова.

– Тогда откуда взялась эта тварь?!

– Полагаю, она решила вернуться, – нейтрально сказал я, испытывая неприятное ощущение балансирующего на краю пропасти, потому что Брант шагнул еще ближе.

– Гемм едва не погиб!

– Брант! – услышал я голос Лотты. Теперь он звенел, словно металл. – Ты тоже чуть не погиб. И если бы не капитан Якоб, так бы и случилось. Это он спас Гемма и тебя. Или ты этого не заметил?

Брант не то чтобы смутился. Скорее, он раздумал убивать меня немедленно.

– Капитан обязан отвечать за жизнь и здоровье своих пассажиров, – буркнул он и повернулся, намереваясь отойти в сторону, но теперь уже я жестко ухватил его за рукав.

– Да, капитан отвечает, – сказал я. – Но только на борту судна. А если пассажирам вздумалось болтаться там, куда их не приглашали, в ответе тот, кто считает себя самым умным из них.

Полагаю, Брант мог бы освободиться от моего захвата одним движением, но он этого не сделал. Просто стоял и ждал, когда я его отпущу. Я ощутил легкое прикосновение к плечу. Гемм. Они с Лоттой стояли рядом.

– Спасибо, капитан Якоб, – проговорил Гемм. – Вы спасли нам жизнь.

Я разжал пальцы, отпуская рукав Бранта.

– Каракатиц не было здесь лет тридцать, – сказал я. – Они не могут причинить вреда, если не подходить близко к расщелинам, где они любят селиться. Их ловят со стороны моря. Выманивают из пещер стуком под водой, потом гарпунят, вытаскивают на палубу и перерубают нервный ствол топорами на длинных рукоятках. Это совсем не опасно – когда знаешь, что нужно делать, – я не слышал ни разу, чтобы кто-то из ловцов пострадал.

– Наверное, нам стоит вернуться на корабль, – сказала Лотта.

– Идите вокруг скалы и больше не подходите к воде. – Я подобрал свой тесак и шагнул к слабо подрагивающей туше каракатицы. – Сегодня у нас будет вкусное блюдо на ужин. Не зря же мы так старались.

Лотта и Гемм отвернулись и быстро пошли прочь. Брант задержался.

– Они этого есть не будут, – сказал он.

– Это мы еще поглядим, – возразил я.

В данный момент я вырезал своим тесаком здоровый кусок самого сладкого мяса каракатицы над правой передней четверкой щупалец. В столичных ресторанах жаркое из такой вырезки не всякому по карману.

– Пожалуй, я пойду, – сказал Брант таким тоном, словно спрашивал разрешения, и я на секунду прервал свое кровавое занятие, чтобы с удивлением на него взглянуть. Однако уходить немедленно Брант не собирался.

– Гемм – самое главное из того, что здесь есть.

Брант произнес эту фразу и превратился в скалу, ожидающую от меня ответа. Я не умею разговаривать со скалами на их каменном языке, поэтому просто закончил работу, взвалил на плечо вырезанный кусок и отправился тропинкой, которой только что ушли Лотта и Гемм. Всего лишь через десяток шагов мое плечо освободилось от тяжести: Брант снял с него ношу и переложил на свою спину.

– Я был не прав, – негромко произнес Брант. – Однако прошу наперед: если существует какая-то опасность для нас и для Гемма, я должен знать о ней немедленно.

– Хорошо, – согласился я. – Я тоже был не совсем прав. Когда я увидел тюленей, то должен был предположить, что вслед за ними на острова могли вернуться и каракатицы.

* * *

Поспать мне, разумеется, не удалось, потому что спустя короткое время после того, как мы вернулись на «Клео», настала пора менять Горана на посту. Лишь два обстоятельства несколько утешали: во-первых, до темноты оставалось не более двух часов (тарашиться после

захода солнца в океанский мрак не было никакого смысла), а во-вторых, возиться на камбузе и готовить жаркое из свежей каракатицы предстояло все же Горану.

К окончанию моей вахты на скале заметно похолодало и поднялся сильный ветер. К счастью, он задувал с севера, а это означало, что в наш проливчик, протянувшийся с востока на запад, попадали лишь слабые отражения поднятых ветром волн и ночью качки не будет.

Освещая путь лампой, которую мне удалось разжечь, лишь укрывшись от ветра в щели меж валунов, я вышел к нашему временному причалу и, еще не ступив на борт судна, ощутил аромат жаркого. Мой рот мгновенно наполнился слюной – я не съел ни крошки с самого утра.

В маленькой кают-компании было тесно, зато тепло и потому вполне уютно. Предположения Бранта насчет того, как Лотта и мальчишка отнесутся к жаркому, не оправдались – оба они ели с таким аппетитом, что глядя на них я почувствовал, как мой собственный аппетит увеличивается безмерно, чуть не до дрожи в руках. Горан поставил передо мной тарелку с огромной порцией жаркого, и я принялся его поглощать.

– Вкусно? – спросил я Гемма, прожевав и проглотив первый кусок.

– Очень, – ответил он. – Раньше я никогда не пробовал такого.

– В столице ощущается нехватка мяса каракатиц? – удивился я. – Это упрек нашим рыбакам.

– Мы совсем не долго были в столице, – сказала Лотта. – А там, откуда мы приехали, каракатиц нет.

– Когда мы отправляемся, капитан? – спросил Брант.

– С рассветом. До той точки, которую вы указали на карте, всего несколько часов хода. Мы будем там в назначенное время, если вы его вычислили верно.

– Хорошо, – кивнул он.

Больше мы практически не разговаривали: скорее всего, потому что устали от произошедшего за последние сутки. Горан попытался было поддержать застольную беседу и начал рассказывать байки про гигантскую Мать-каракатицу, но скоро умолк, не ощутив взаимности. Закончив ужин, все отправились по каютам. Я тоже пошел к себе, наказав Горану разбудить меня через четыре часа. Даже не помню, как заснул. Кажется, произошло это в ту самую секунду, когда моя голова коснулась подушки...

И в ту же секунду, как мне показалось, пробудился от того, что кто-то тряс меня за плечо.

– Капитан! – услышал я негромкий голос Горана. – Ваша вахта.

Я с трудом разлепил глаза и сел. Спать мне хотелось ничуть не меньше. Неужели четыре часа протекли так быстро? За стеклом иллюминатора по-прежнему царила ночь.

– Что на судне? – спросил я.

– Все в порядке, капитан, – доложил Горан. – Котел в норме, пассажиры спят в своей каюте. Если вы хотите, я достую до рассвета.

– Не хочу, – мучительно зевнув, сказал я. – Отдыхай, Горан.

Возражать он не стал и мгновенно рухнул на свою койку, а я выбрался на палубу и стоял с минуту, подставив лицо стылому, пробуждающему ветру. Когда ветер и холод разогнали остатки липкой дремоты и я окончательно пришел в себя, прежде всего отправился в машинное. Котел и в самом деле был в норме, при необходимости давление можно было поднять до рабочего всего минут за десять – пятнадцать. Запаса нефти в баках тоже хватало, «Клео» была способна совершить два, а то и три перехода подобных тому, который ей предстоял.

Из машинного я отправился в рубку. Порывы ветра зябко хлестали меня на этом коротком пути, я поспешил забраться внутрь и плотно захлопнул дверцу. В рубке было холодно – обогревать ее, как каюты, было бы сущим расточительством. Однако по крайней мере она спасала от ветра. Ткань ночного мрака уже начала понемногу ветшать: я уже различал скалы на противоположной стороне укрывшего нас проливчика. За ночь ветер изменил направление –

я понял это, потому что волнение в узком канале слегка усилилось. Якорные канаты поскрипывали в клюзах, «Клео» мягко и плавно покачивалась на невысокой волне.

Примерно через час развиднелось окончательно и я решил, что пора отправляться. Горана будить не пришлось: позевывая, он вышел из каюты и спустился в машинное отделение. Легкий дымок над трубой «Клео» загустел. Пока давление поднималось до нужной отметки, я освободил «Клео» от привязи якоря и шестом оттолкнул нос судна от берега.

Хлопнула дверь пассажирской каюты, и на палубу вышел Брант.

– Вам нужна помощь, капитан?

– Пока нет, – вежливо ответил я. – Все в порядке. Хотите подняться со мной в рубку?

Он принял предложение и, устроившись на боковой скамье, с любопытством следил за тем, как я готовлюсь к отплытию.

– Горан, мы отплываем! – сказал я в переговорную трубку. – Даю малый ход.

Винт взбудрил холодные темные воды. Повинуясь движениям штурвала, «Клео» отошла от берега и устремилась к выходу в океан. Совершив положенное число поворотов, мы вышли из проливчика, и я прибавил ход. Ветер был попутным, а волнение не превышало двух баллов, так что на этом этапе наше путешествие проходило как увеселительная прогулка. Горан вновь появился на палубе. Машина работала отлично и торчать сейчас возле жаркой топки смысла не имело.

Чтобы лечь на курс к Зеву Дьявола, нам нужно было миновать мыс, выдающийся далеко в океан. Я заложил широкую дугу, огибая языки мелей, и в этот момент услышал тревожный крик Горана:

– Капитан! Корабль слева по курсу!

Примерно в полумиле по левому борту дымила труба какого-то судна, идущего нам наперез. Я навел на него зрительную трубу, но в рассветном полумраке не сумел ни разобрать названия, ни узнать очертаний. Брант тронул меня за плечо, протягивая какой-то предмет.

– Возьмите, капитан! – Предмет был похож на небольшую коробку для сигар, только со стеклами на торцах. – Сюда нужно смотреть обоими глазами.

Повертев коробку в руках, я поднес ее к глазам и невольно вздрогнул: до неизвестного корабля теперь, казалось, можно было дотронуться рукой. Эти столичные (или неизвестно какие) гости поражали меня все больше. И хотя название корабля все равно не было видно – он шел, нацелившись на «Клео» форштевнем, – толстого чернобородого человека, стоящего в рубке рядом со штурвальным, я узнал сразу.

– Этого нам только не хватало, – пробормотал я и крикнул помощнику: – Горан, в машинное! Открой форсунки на полную мощность! Мы должны от них оторваться!

– Что-нибудь серьезное, капитан? – спросил Брант.

– Посмотрите сами. – Я вернул ему прибор. – Видите человека рядом с рулевым? Это и есть Локуфа, людей которого вы вчера потрели. Он не прощает таких обид и решил вас наказать. Он сам, лично гонится за вами.

– Интересно, как он узнал, что мы на вашем судне?

– Тут и думать нечего. От Пенты-Водки, конечно. Все видели, что он встречал вас в погребке Фарнифа. Пенту нашли и вытрясли из него все, что он знал. Хотя сейчас это никакого значения уже не имеет.

На палубе появились Лотта и Гемм. Брант спустился к ним. Некоторое время они переговаривались, потом Брант вернулся в рубку.

– Что вы намерены делать?

Я пожал плечами:

– Удирать.

– Это нам удастся?

– Вполне, – заверил я. – За «Клео» этой лоханке не угнаться.

Моему кораблю такое действительно было вполне по силам. «Клео» считалась одним из самых быстрых судов на побережье. Между тем обстановка пока складывалась не в нашу пользу. Я лишен был возможности отвернуть вправо, потому что там нас поджидали отмели. Оставалось надеяться лишь на мощь судовой машины.

Брант разглядывал через свой прибор преследователей. Я бы не сказал, что он был слишком обеспокоен. Возможно оттого, что слишком надеялся на свои могучие мускулы и боевые навыки, и не осознавал, что, если Локуфа нас догонит, его люди вряд ли пойдут в рукопашную. Они просто расстреляют «Клео» издалека или забросают ручными бомбами. Такого финала мне совсем не хотелось.

– Полный ход, Горан! – крикнул я в переговорную трубку и тут же ощутил, как корпус корабля слегка задрожал от напряжения.

И «Клео» не подвела своего капитана. Прижимаясь почти вплотную к мелям, мы миновали оконечность мыса задолго до того, как преследователи сумели приблизиться к нам на дистанцию эффективной стрельбы. Я положил штурвал резко вправо и уже спустя несколько минут увидел, что судно Локуфы начало понемногу отставать. Закрепил штурвал и повернулся к Бранту:

– Позвольте взглянуть еще раз в ваше устройство!

Прибор был поистине замечательный! Я мог разобрать даже оспины на лбу Локуфы, который в это время как раз крутился на палубе и что-то орал своим бойцам, энергично размахивая огромными кулаками. Видимо, по его команде на носу сгруппировались несколько человек с ружьями. Я увидел поднявшийся над ними легкий дымок и услышал ослабленные расстоянием и гулом машины «Клео» звуки выстрелов. Это было не опасно: попасть в цель с такой дистанции даже в небольшую качку способен лишь опытный стрелок, а подобных умельцев среди бандитов Локуфы не водилось. Но на всякий случай, высунувшись из рубки, я знаком показал Лотте с мальчиком, чтобы они укрылись в каюте. Спорить они не стали и скрылись с палубы без промедления.

Локуфа тащился за нами довольно долго, он оказался на удивление упрям. И все же его корыто отставало. В принципе, я мог бы выбросить Локуфу из головы, кабы не то обстоятельство, что эти гонки сильно сбили «Клео» с намеченного курса. Чтобы вернуться на него, понадобится не менее двух часов дополнительно, и к намеченной точке мы прибудем без малейшего запаса времени.

Как бы Локуфа не хотел, догнать он нас был не в силах. Наступил момент, когда его судно окончательно скрылось из глаз за завесой начавшегося дождя и даже с помощью зрительного прибора Бранта обнаружить его не удалось. Я перебрал штурвал, возвращаясь на курс: проклятый Локуфа вынудил нас сделать огромный крюк. Брант тут же заметил мою обеспокоенность.

– Что-нибудь не так?

– Мы опаздываем, – кратко ответил я.

– Намного?

– Думаю, мы придем на место примерно на час позже намеченного.

– Это не страшно, – недолго поразмыслив, сказал Брант.

– Не знаю, – пробормотал я. – Вот этого-то я пока не знаю...

Имея дело с Зевом Дьявола, ничего нельзя сказать заранее. Уходя от погони, мы отделились от него, но теперь он вновь постепенно вырастал из-за горизонта. С такого расстояния ураган был похож всего лишь на стаю темных грозowych туч, готовых пролиться сплошным ливнем, взбаламутить океанские воды коротким шквалом, а потом без следа раствориться в небесах. Так могло показаться. Но только тем, кто ни разу прежде не видел Зева Дьявола во всем его разрушительном могуществе. Брант – не видел. Поэтому когда сизая громада урагана

поднялась перед нами бесконечной клубящейся стеной, хладнокровие его покинуло, как он не пытался этого скрыть. Тем более что волны уже вовсю раскачивали «Клео».

– Идите вниз, – сказал я. – Вашим спутникам сейчас понадобится поддержка. Будьте с ними и не выходите на палубу. Сейчас от вас ничего не зависит.

Он на секунду задумался, затем кивнул, соглашаясь. Спустился из рубки на палубу, хватаясь за натянутый Гораном леер, добрался до каюты, открыл со второй попытки дверь и скрылся в каюте.

По мере приближения к Зеву Дьявола ветер и волнение усиливались. Скручиваемые дьявольским водоворотом в тугую воронку, волны постоянно меняли направление. Вначале начинающие пениться валы догоняли судно с кормы, затем качка сменилась на бортовую, а еще через короткое время они начали бить в левую скулу «Клео». Счастье, что пока еще они не превышали двух-трех метров, оставаясь достаточно пологими. «Клео» переваливалась с боку на бок, но бодро мчалась вперед, туда, откуда не было возврата.

В этой зоне – приходеж урагана – я бывал не единожды. Да и не только я. Те, кому достало смелости оказаться здесь и забросить «кошелек», не возвращались без богатого улова. Не знаю почему, но молодь каракатиц просто кишела сразу под слоем взволнованной воды. Жаль, что скупщики в этом году здорово сбросили на них цену.

Сейчас я изо всех сил держал норовящий вырваться из рук штурвал. Направление ветра продолжало непрерывно меняться, теперь нам задувало в правый борт. Ветер – посланник Зева Дьявола – вновь перестроил атакующие порядки волн, все больше наполняя их безжалостной тяжестью и несокрушимой мощью, чтобы поскорее разделаться с теми, кто осмелился вторгнуться на его территорию.

Внезапно мне послышался перебой в ровном стуке судовой машины, и я поспешно схватил переговорную трубку.

– Горан! Что у тебя?

– Все в порядке, капитан, – немедленно отозвался помощник. – Теперь уже все в порядке. Я возился с муфтой и прозевал, что первый топливный бак опустел. Только что переключился на второй. Нефть идет нормально. Давление через минуту будет в норме. Как там, наверху?

– Как в преисподней. Следи за манометром, Горан!

Помощник не соврал. Минуты не прошло, как машина застучала с прежним старанием. Но, несмотря на все усилия «Клео», мы все же опоздали.

Когда мы достигли расчетной точки, ураган уже возвращался. Нас накрыл настоящий шестибалльный шторм, волны обрушивались на «Клео» со всех сторон, дождь и соленая водяная пыль океана перемешались и залепили смотровое стекло, полностью лишая видимости. Закрепив на минуту штурвал, я бросился к ветровому окну и опустил раму. Ледяной ветер ворвался в рубку, я вымок до нитки почти в тот же миг, но теперь по крайней мере получил возможность хоть что-то разглядеть впереди по курсу. То и дело отирая лицо, я таращился изо всех сил и наконец сквозь сетку дождя и занавесь срывааемой ветром с гребней волн пены увидел впереди черные, неколебимые утесы острова. А еще я увидел буруны над полосой рифов, защищающих берег от вторжения извне. Именно на них сейчас мчалась «Клео», напрягая все свои механические силы. Проход был где-то здесь, он должен был открыться мне с минуты на минуту.

Ошибиться я не мог, но разглядеть проход мне было не суждено. Вернувшийся в свое логово ураган ударил с полной силой, и мы оказались в настоящем аду. Ветер и волны – гигантские волны – гнали нас вперед и теперь от меня уже ничего не зависело. Оставалось лишь удерживать «Клео» на курсе, с которого ей не дано было свернуть. На миг я бросил взгляд направо и увидел – или мне только показалось, что увидел, – силуэт корабля на границе пространства, доступного для обзора. Если только это был не фантом, не игра воображения, погибать мы будем не в одиночку...

* * *

То, что наша «Клео» перемахнула клыки рифов на гребне гигантской волны, можно было считать чудом. Но пока обнажившийся винт бесполезно молотил воздух, та же волна мощно притиснула потерявшее скорость и управление судно к скале перед самым входом в горло бухты. Пронзительный скрежет раздираемого металла на какой-то момент заглушил грохот стихии. Нам повезло и в том, что длинная пробоина на правом борту образовалась выше ватерлинии, хотя и совсем чуть-чуть. «Клео» не отправилась камнем на дно, а лишь понемногу прихлебывала океанской воды. Напрягая все свои механические мускулы, «Клео» выровнялась. Машина была из последних сил, винт разносил в клочья вспененную сущность разъяренного океана, и судно сумело прорваться в узкий проход, а потом вписаться в поворот, который спрята- л его от следующего удара волны и неминуемой гибели. «Клео» вновь слушалась руля, совер- шив еще два плавных маневра, мы вошли в бухту. Волнение здесь было совсем небольшим – мощь высоких скал острова превосходила вековую ярость урагана, но и его хватало, чтобы пустить нас на дно. Я не сбрасывал обороты, потому что с каждым толчком волн в поврежден- ный борт осадка «Клео» увеличивалась все больше.

Из машинного чертиком выскочил Горан.

– В трюме вода! – закричал он. – Она подступает к топке!

– Горан, выводите гостей! – заорал я в ответ, и тут же увидел, что Брант, спокойный и сосредоточенный, уже выбрался на палубу, помогая подняться по трапу Гемму и Лотте.

Набирающая воду «Клео» все хуже слушалась руля. Я крутил штурвал, умоляя ее под- чиниться, и мое судно медленно, очень медленно развернулось к единственному месту воз- можной высадки – узкому языку щебенчатой осыпи, вывалившемуся меж отвесных скал, окру- жавших бухту по всему периметру. Пробоина уже скрылась под водой, но машина все еще продолжала работать. Если вода ворвется в машинный отсек и зальет топку, мы имеем шанс взлететь на воздух. Если этого не произойдет и «Клео» ворвется на мель остатком своего хода, то безнадежно пропорет себе брюхо и останется здесь навсегда...

Я врубил винты на реверс, машина взревела в последний раз и смолкла. Подталкивае- мая не до конца погашенной инерцией и невысокими волнами «Клео» осторожно коснулась дна. Раздвигая килем каменистую рассыпчатость, продвинулась на несколько метров вперед и прочно утвердилась на аварийной стоянке. Немедленная гибель нам уже не грозила. На всякий случай я немедленно открыл аварийный клапан. Судно окутали клубы пара, машина издала последний свистящий вздох и смолкла. Больше в рубке мне делать было нечего. Я плотно задраил смотровое стекло и вышел на палубу.

Она оставалась выше уровня воды, однако волны – даже такие невысокие, как сейчас в бухте, свободно перекачивались через нее от борта до борта. Прежде всего, я попытался оце- нить повреждения. Полученная «Клео» рана выглядела ужасно. Обшивка правого борта сразу за носовым обводом была вспорота на длине около двух метров. Ужасно, но не смертельно. Выколотить искореженное железо, затем залатать пробоину пластырем для нас с Гораном не составило бы особого труда. Потом, откачав воду и дождавшись, когда ураган в очередной раз отступит и откроет путь от острова в океан, мы смогли бы отправиться куда угодно. Но сейчас ни о каком ремонте речи быть не могло. Хотя утесы острова смирляли чудовищную силу стихии и здесь, в бухте, ветер превратился лишь в крепкий шторм, раненая «Клео» больше не могла укрывать нас от холода и непогоды. Нам необходимо было уходить с корабля и как можно ско- рее найти убежище, пока не наступила ночь.

Пока я спускал на воду наш легкий ялик, Горан подтаскивал припасы: воду, пищу, оде- яла, оружие и все прочее, без чего не обойтись ни одному потерпевшему кораблекрушение. Между тем температура продолжала падать. И столь стремительно, что, когда мы отчалили,

надстройки и ванты единственной мачты «Клео» уже покрывала сверкающая наледь. Тяжело нагруженный ялик едва не черпал бортами воду, но от берега нас отделял всего десяток-другой гребков, и скоро мы уже вытаскивали суденышко на черную базальтовую щебенку, подальше от границы прибоя.

Избежав гибели в волнах, я не собирался погибать от холода. Пока не сгустилась ночная тьма, следовало отыскать хоть какое-то убежище. Миновав прибрежные утесы, окружавшие территорию Золотого острова словно крепостные стены, мы ступили в скалистую местность и пошли в быстро сгущавшихся сумерках вдоль каменной гряды. Дождь превратился в мокрый снег. Ветер рвал одежду и залеплял глаза снежными хлопьями. Брант шел первым, осматриваясь вокруг, а я замыкал наш маленький отряд, но оказался зорче.

– Брант! – крикнул я. – Пещера! Мы укроемся здесь.

Темное пятно на базальтовой стене было едва различимо сквозь мокрую метель, на глазах наметавшую сугробы. Но это действительно была пещера.

Вход в нее оказался довольно низким и узким, чтобы забраться в убежище нужно было не просто поклониться скале в пояс, а встать на четвереньки. Брант топтался в нерешительности, тогда я отстранил его и полез первым. Сразу за входом пещера расширялась. Я поднялся, стряхнул каменную крошку с колен и принялся помогать забраться остальным.

Горан попытался разжечь лампу, но намокший кремль зажигалки не высек искры. Тогда Брант вытащил из куртки стержень длиной с локоть и преломил его. Раздался сухой треск, но стержень, к моему удивлению, не сломался, а засветился молочно-белым, неестественным, но ярким светом, позволившим нам увидеть лица друг друга и осмотреться. Пещерка была совсем небольшой, совершенно сухой и, по крайней мере, надежно укрывала от дождя, снега и пронизывающего ветра. Устроить костер здесь было негде и не из чего, но когда Горан соорудил из камней и куска брезента нечто вроде двери, а мы все, включая даже Гемма, выпили по глотку крепчайшего самогона из моей фляжки и завернулись в одеяла, то ощутили если не тепло, то вполне достоверную его иллюзию. Впрочем, полагаю, лучше всего каждого из нас согревало осознание того, что мы остались живы.

Гемм с Лоттой очень быстро уснули, так же как и Горан, а ко мне сон никак не шел, несмотря на усталость и двухсуточный недосып. Брант тоже не спал. Он вдруг поднялся со своего места и сел рядом.

– Повезло, что мы так быстро отыскивали убежище, – тихо проговорил он. – Как вам удалось заметить пещеру? Я был готов просто пройти мимо.

– У меня хорошее зрение, – ответил я. – Не забывайте, что я моряк.

– Наверное, – согласился Брант. – Но, как мне отчего-то кажется, причина не только в этом. Скажите, Якоб, вам уже приходилось бывать на острове? Вы знали, как найти проход в бухту и эту пещеру, ведь так?

– Так, – кивнул я.

– Вместе с Герсебомом?

Мне не хотелось ему лгать, но и отвечать откровенно отчего-то показалось не ко времени.

– Однажды остров случайно открылся мне во время лова. Примерно так же, как сегодня. Буря, правда, была послабее и мне удалось провести «Клео» в бухту совершенно целой. А потом мне пришлось ждать почти две недели, пока Зев Дьявола вновь не ушел в сторону и не позволил нам убраться.

– И это все? – с изрядным недоверием спросил Брант.

– Все.

Мы немного помолчали.

– Могу я спросить: а вам-то что здесь понадобилось? – задал я вопрос, на который Брант ответил не сразу.

– Вы узнаете, капитан, – проговорил он после паузы. – Не сейчас. Чуть позже.

Я не настаивал, потому что ответ мне примерно был известен. Не понимал я лишь того, почему Брант с Лоттой до сих пор продолжают от меня таиться. Полагая, что разговор закончен, я принялся устраиваться поудобнее, рассчитывая все же поспать, но Брант не уходил.

– Все дело в Гемме, – сказал он. – Гемм – это главное. Его жизнь важнее всех наших, вместе взятых, прошу понять это, капитан Якоб, и помочь защитить его, если понадобится.

– Капитан судна отвечает за жизнь каждого своего пассажира, – ответил я.

– Гемм – самое важное, – повторил Брант.

Он отодвинулся, завернулся в одеяло и затих. Теперь и мне можно было попытаться уснуть.

* * *

Открыв глаза, я понял что наступил день. И настолько яркий, что свет его проникал даже сквозь плотный брезент нашей «двери». Мои пассажиры проснулись раньше меня. Сидя в дальнем углу пещеры, они вели о чем-то неспешный, тихий разговор. Только Горан продолжал храпеть изо всех сил.

– Доброе утро, капитан, – поздоровался Брант, и Лотта с Геммом тоже сказали мне: – Доброе утро.

Я ответил на приветствие и принялся будить Горана. Сон его оказался настолько крепок, что мне пришлось изрядно потрясти помощника за плечо, прежде чем он продрал глаза. Но в конце концов это свершилось, Горан рывком сел и некоторое время сонно вертел головой по сторонам, соображая, где находится и, собственно, почему. А когда окончательно пришел в себя, то рассмеялся.

– Мне приснилось, что я заснул прямо за столом в погребке Фарнифа, – сообщил он. – Спать было страшно неудобно, а его кухарка Дина в это время...

– Горан! – поспешил я его прервать. – Все же с нами здесь дама и мальчик!

– У меня и в мыслях не было ничего такого! – возмутился Горан. – Дина в это время пытается вытащить из-под меня скамью, и я вот-вот должен свалиться на пол, а мне этого совсем не хотелось.

– Тогда тебе и заниматься завтраком, – не совсем логично заключил я.

Завтрак у нас получился немудреным, но сытным. Каждому досталось по огромному ломтю хлеба и куску вчерашнего жаркого, которые мы запили водой из наших запасов. Я не экономил: сколько бы времени нам не пришлось провести на острове, пищи и воды найдется здесь достаточно. Бухты острова кишели всяческой морской живностью, а в его центре не иссякали источники хрустально прозрачной пресной воды.

Мы по одному выбрались из пещеры, и то, что я увидел, потрясло меня вновь точно так же, как и в самый первый раз, и во второй, и в последующие. С лазурных небес лились ослепительные лучи солнца. Стоял полный штиль. Ни ветерка. Правда, было прохладно – не лето все же. Но когда глаза мои привыкли к яркому свету, в проломах скал я увидел пронизываемые зигзагами молний иссиня-черные стены Зева Дьявола, окружающие остров со всех сторон.

Но Горан, попавший на остров впервые, был просто потрясен.

– Что это?! Почему?.. Здесь так?..

– Это око бури, самый центр урагана, – принялась объяснять Лотта. – В центре никогда не бывает ветров и облаков. Если бы у вас... – тут она запнулась и быстро поправилась, – у нас были аппараты, на которых можно летать, поднявшись высоко над ураганом, остров давно бы перестал быть легендой.

– Ерунда, – засмеялся Горан. – Любой дирижабль ураган сдует как пушинку или изломает в клочья, как бы высоко он не поднялся.

– Это верно, – вмешался Брант. – Нам пора!

– Куда мы направляемся? – осведомился я.

– Туда. – Брант махнул рукой куда-то в сторону центра острова и принялся навьючивать на себя мешок с припасами.

– Надеюсь, вы знаете, что именно собираетесь здесь отыскать, – сказал я, пристраивая на плечи свою часть ноши.

Солнце успело подсушить камень, идти теперь было много легче, а скоро хаос скал закончился, сменившись ровной почвой, покрытой пожелтевшей, умершей или уснувшей на зиму травой и нечастым кустарником, который, напротив, сумел сохранить зеленые краски. Кое-где среди кустарника небольшими группами росли высокие деревья.

Возглавлявший отряд Брант шел весьма уверенно. Насколько я понял, путь он держал к одинокой горе, вершина которой поднималась над кустарником далеко впереди. За Брантом шагала Лотта, потом Горан и Гемм. Я вновь шел позади – за Геммом или рядом с ним, когда позволяла дорога. Мальчишка держался неплохо. Он даже взялся нести кое-что из вещей и категорически запротестовал, когда Брант попытался их отобрать.

– Прости, Гемм, хотел спросить, – сказал я, когда мы слегка приотстали. – Брант и Лотта – кто они тебе?

Гемм сбился с шага, на секунду остановился и заглянул мне в лицо своими странными глазами, не принадлежащими этому миру.

– Они? Просто знакомые... Я не знаю.

– Кто твои родители? Где они?

– Они умерли.

Он произнес эти слова совершенно ровным тоном, в котором я не услышал ни печали, ни равнодушия. Так говорят о том, что произошло невероятно давно, с чем свыкся и смирился, насколько бы не велика была потеря.

– Ты знаешь, куда и зачем мы идем, Гемм? – задал я очередной вопрос, однако ответа получить не успел, потому что Лотта внезапно обернулась, остановилась и внимательно посмотрела на нас.

Она ничего не увидела. Ни я, ни Гемм ничем не показали, что о чем-то разговаривали, что далось это каждому из нас одинаково быстро и легко. И в этот момент я ощутил возникшую между мной и мальчишкой некую странную связь, а вместе с тем и убеждение, что о существовании этой связи никто, кроме нас, знать не должен. Поэтому я совершенно непринужденно замедлил шаг, поправляя поклажу, после чего занял свое привычное место в арьергарде отряда на несколько шагов позади Гемма.

Идти было нетрудно, хотя довольно часто приходилось уходить с прямого направления, огибая особенно густые заросли кустарника, продираться через который было нелегко. Эти маневры сильно удлинляли маршрут, и когда солнце прошло половину своего дневного пути по небосклону, гора сделалась ближе совсем ненамного. Лотта и Гемм не жаловались на усталость, но я видел, что они заметно выбились из сил, о чем сообщил Бранту.

Привал мы устроили в одной из крохотных рощиц. Мы с Гораном набрали сушняка, имевшегося тут в изобилии, и сложили небольшой бездымный костерок, на котором вскипятили в котелке воду, заварив ее ароматными сушеными травами. Я прикинул: не плеснуть ли туда немного огненного пойла из моей фляжки для всеобщей бодрости, но решил все же этого не делать. Путь предстоял еще длинный.

Мы вновь сытно поели, и даже Брант, как ни спешил, согласился с моим предложением отдохнуть полчаса. Солнце так разогрело неподвижный воздух, что все предпочли перебраться в тень. Я же решил немного прогуляться и ничуть не удивился тому, что Брант немедленно вызвался составить мне компанию.

– Разве вы не устали, капитан? – спросил он, шагая рядом.

– Немного, – улыбнулся я в ответ. – Но все же не настолько, чтобы окончательно потерять бдительность.

– Чего здесь следует опасаться? – тут же насторожился Брант. – Почему вы не сказали мне сразу?

– Потому что я сам этого не знаю, – сказал я, не скрывая раздражения. – Но вот вам меня опасаться точно не следует и я удивлен, что вы до сих пор этого не осознали.

Кажется, на его лице проступило выражение, очень отдаленно похожее на смущение. Впрочем, я мог и ошибиться.

– Я доверяю вам, капитан Якоб, – проговорил он, изо всех сил попытавшись вложить в свои слова максимум тепла. – Но Гемм важнее всех нас и я всегда должен быть начеку. Надеюсь, вы меня поймете и извините. Кстати, куда мы идем?

– Осмотреться. Когда мы входили в рощу, справа я заметил холм. С его вершины мы сможем наметить маршрут покороче...

Мы вышли из рощи, миновали открытое пространство до начала подошвы холма и начали неторопливо подниматься по пологому склону. Холм был совсем небольшой, его вершина уступала по высоте даже деревьям рощи, но предстоящий наш путь с нее действительно можно было обозреть и скорректировать.

Я поднялся первым и тут же бросился ничком в траву, потянув за собой Бранта.

– Что? – возмущенно вскинулся было он, но я молча показал ему, куда следует смотреть.

Всего в двух сотнях шагов от нас, как раз в том направлении, куда нам предстояло отправиться, над кустарниками поднималась едва заметная, почти прозрачная струйка дыма, которую рождает огонь костра, зажженного руками людей.

* * *

– Откуда здесь люди? – жарко зашептал мне в ухо Брант. – Здесь никого не должно быть!

– Кроме тех, кто очень хочет с вами встретиться, – с досадой ответил я.

– Как они могли сюда попасть? Ураган должен был разбить их в щепки.

– Если Локуфа отправился прямо к острову, он мог оказаться здесь даже раньше нас. А на острове достаточно удобных бухт, чтобы укрыться от гнева Зева Дьявола. И не мне одному они известны.

– Он сумасшедший маньяк, этот ваш Локуфа, если пошел на такой риск из мести, – проговорил Брант.

– Он не маньяк, – возразил я. – Здесь что-то другое.

– Что?

– Попытаюсь выяснить, – пообещал я. – Возвращайтесь к остальным и постарайтесь уничтожить следы нашей стоянки. Будьте готовы отправляться немедленно!

Я скатился вниз по склону и пополз по кустарнику. Поднявшийся легкий ветерок пошевеливал кусты, маскируя мое продвижение. Скоро я приблизился к костру достаточно близко, чтобы сквозь сплетение ветвей разглядеть лужайку, на которой расположились около десятка вооруженных ружьями и револьверами людей, одним из которых был Локуфа. А чуть в стороне от основной группы я увидел еще двоих – человека со шрамом и его спутника, так настойчиво стремившихся отыскать моих пассажиров. В принципе, больше здесь делать мне было нечего. Я принялся осторожно отползать, а удалившись на безопасное расстояние, поднялся и помчался в обход холма в рощу.

Когда я добрался, все было готово к отправлению. Кострище тщательно затоптано, засыпано землей и замаскировано опавшей листвой. Я не заблуждался по поводу качества такой маскировки: внимательный осмотр непременно обнаружил бы следы нашего пребывания, оставалось лишь надеяться, что преследователи просто не наткнутся на это место.

– Что там? – нетерпеливо спросил Брант.
– Локуфа со своими людьми, вместе с Локуфой их девять, и они хорошо вооружены.
– Ничего себе! – растерялся Горан. – И как нам теперь быть?
– Это не самое страшное, – пробормотал Брант.
– Но это еще не все новости, – продолжал я. – С ними еще двое – что спрашивали вас у Фарнифа.

Брант и Лотта переглянулись. В глазах обоих я увидел настоящую тревогу.

– Это те самые люди, которые все время гонятся за нами? – спросил Гемм, и Лотта, не отвечая, обняла его за плечи.

– Они не должны нас найти, – взволнованно сказала она. – Помогите нам, капитан Якоб!

– Мне кажется, в последнее время я только этим и занимаюсь, – хмыкнул я. – Нужно убираться отсюда как можно быстрее.

– Куда вы нас поведете? – осведомился Брант.

– Боюсь, что они вот-вот обнаружат наши следы. Скоро стемнеет, до этого времени нужно отыскать надежное убежище. Мы отправимся к лагуне, там вокруг множество пещер, мы укроемся в них и подумаем, как быть дальше. Горан, возьми поклажу у мальчика!..

Сейчас мы спешили изо всех сил. Но у Гемма, да и у Лотты их оставалось не так много. Часа через два я вынужден был объявить короткий привал. Гемм тут же свалился на землю. Я очень надеялся, что у нас перед преследователями есть некоторая фора, однако все время везти нам не могло.

И прежде чем продолжать путь, я намеревался кое-что выяснить, поэтому попросил Бранта и Лотту отойти со мной в сторонку.

– Помните наш уговор? – спросил я. – Мы поворачиваем обратно, как только я увижу опасность. Так вот я ее увидел и намерен повернуть.

– К вашему разбитому кораблю? – мрачно ухмыльнулся Брант.

– Пока что нет. Мы с Гораном просто спрячемся. Вы можете спрятаться вместе с нами, я не возражаю, но дальше я не пойду. Я – возвращаюсь.

– Вы не можете так поступить, – сказала Лотта своим волшебным голосом, но в этот момент он на меня не подействовал.

– Могу, – сказал я. – Таков был договор. И если вы намерены его изменить, то я хочу знать все. Кто эти двое, что вы тут ищете и что, собственно, вообще происходит? Иначе мне трудно будет что-то придумать.

Прежде чем ответить, Брант и Лотта снова внимательно посмотрели друг на друга.

– Ты должен рассказать, – сказала она.

– Это ошибка, – возразил Брант. – Он просто не поверит.

– Ошибок было сделано достаточно, – настаивала она с удивившей меня твердостью. – Расскажи ему все!

– Хорошо, – сдался он. – Я расскажу. Лотта, вернись к Гемму и помоги ему, чем можешь. Через десять минут мы должны отправляться.

– Что вы хотите знать? – спросил он, когда мы остались вдвоем.

– Все, – ответил я. – Начнем с ваших преследователей. Кто они?

– Наемники. Ищейки. Очень опытные и очень опасные.

– Что им нужно?

– Гемм. Все это из-за Гемма...

– Я вас слушаю, Брант!

– Вам сложно будет поверить, но вы все же постарайтесь, – скривил он губы в невеселой улыбке. – Гемм не отсюда. И мы тоже, и те двое... Кроме вашего мира существуют и другие. На некоторых точно так же живут люди. А на некоторых есть вечные ураганы, по сравнению с которыми ваш Зев Дьявола – просто жалкий сквозняк.

– Я слышал нечто подобное, – кивнул я. – Особенно про ураган. Если я не ошибаюсь, мир, в котором он существует, называется Юпитер?

Брант удивился и не счел нужным скрывать своего удивления.

– Странно, что вы здесь еще это помните.

– Ничего странного, – возразил я. – За четыреста лет истории нашего мира мы ни разу не переписывали учебники, которые писали те, кто оказались здесь первыми. И нам известно, что другие миры действительно существуют, и с одного из них мы попали на Грету. Правда, я не уверен, что знаю, как именно. А то, что вы чужие, мне стало понятно уже через пару минут после того, как вы появились в погребке Фарнифа.

– Вот как! – мрачно сказал Брант. – Ты понял с самого начала, но скрывал это. Что тебе еще известно?

И тут я почувствовал, что раздражение, которое постоянно вызывал у меня Брант, сменяется злостью.

– Не так много, как вам показалось и как хотелось бы мне самому, – сухо сказал я. – Дело в том, что капитан Герсебом был моим другом. Незадолго до смерти он рассказал, что присматривал кое за чем на Золотом острове, и попросил взять на себя его обязанности. Пока хозяева этого самого «кое-чего» не объявятся и не решат, как быть дальше.

– Значит, тебе известно, где находится Станция? – воскликнул Брант. – Почему же ты молчал? Тем более, если понял, кто мы такие!

– Такого я не говорил, – возразил я. – Кто вы такие, мне не известно и сейчас. Я понял, что вы не из столицы – только и всего! Но уж точно вы – не хозяева.

– Но смотритель должен был тебе сказать...

– Он и сказал, – перебил я Бранта. – Что иногда в Климбе будут появляться незнакомцы, которым потребуется помощь, чтобы попасть на Золотой остров. В то место, которое вы называете Станцией. И еще он сказал, что одни будут знать, как об этом попросить, а другие – нет. Но все равно к тем, у кого есть такая штучка, как у Лотты, следует отнестись внимательно.

– Понимаю. – Брант с досадой кивнул. – Там, в кабачке, Лотта показала тебе опознаватель, но тогда ты никак на него не отреагировал. Почему?

– Потому что он лишь похож на тот, который оставил мне Герсебом. Вот он!

Я извлек из-под рубашки свой диск. Он совпадал размером с диском Лотты, однако имел не один вырез, а два и совсем небольших, не достававших до центра.

– У вас – другой. Значит, вы не хозяева и не гости, – я спрятал диск на прежнее место, – но похожи на гостей.

– Ну конечно же, – с досадой дернул головой Брант. – Поверь, капитан Якоб, мы действительно оказались здесь совершенно случайно, у нас просто не было ни времени, ни возможности идти той дорогой, которую мы наметили с самого начала. Ищейки гнались за нами по пятам, нам ничего не оставалось, как воспользоваться резервным маршрутом. К этому маршруту, как ты уже понял, мы были не вполне готовы. Хотя знали, кто такой Герсебом, где его следует искать, а также примерно представляли, где находится Станция. И ты действительно мог отказать нам в помощи. Но все же взялся помочь. И я еще раз спрошу: почему?

Я рассмеялся.

– Честно говоря, сам не знаю. Может быть, у меня просто было такое настроение. Может быть, я почувствовал, что вам действительно нужна помощь. Особенно Гемму. Именно поэтому я и согласился взять вас на борт и выйти в море. И потом вы действительно похожи на гостей...

– Мы благодарны тебе за это, – сказал Брант. – Надеюсь, мы и дальше можем на тебя рассчитывать?

– Можете, – согласно кивнул я. – Но прежде ты объяснишь все до конца. Кто такой Гемм? Почему он так нужен наемникам? И зачем он нужен вам?

– Да, Гемм... – Брант некоторое время молчал, словно взвешивая неведомые мне «за» и «против», но в конце концов решился продолжить: – Его отец очень крупный ученый. Ему удалось совершить открытие, способное изменить мир.

– Разве такие открытия еще бывают? – усомнился я, и Брант внезапно вспыхнул:

– Как ты можешь об этом судить в своем жалком мирке с вонючими пароходами и дирижаблями, которые боятся даже легкого ветра! Когда я говорю мир – то вовсе не имею в виду Климб, захолустье, которое вы называете столицей, и всю эту планету!

– Ты обещал рассказать, – напомнил я.

Брант глубоко вздохнул.

– Тебе известно, как люди попали на Грету?

– Все знают легенду о Большом Корабле, на котором наши предки летели сюда с Земли много десятков лет во сне, ни разу не просыпаясь, – пожал я плечами. – Только я в нее не особенно верю.

– Почему?

– Потому что человек не может спать так долго, – ответил я, и Брант захохотал.

– Как же тогда вы здесь оказались? – поинтересовался он, успокоившись.

– Ну... – Я слегка растерялся. – Некоторые считают, что нас сюда перенесли посланцы Бога.

– И ты тоже?

Я сделал вид, что рассердился, потому что начинал испытывать смущение.

– Рассказывать все же должен ты.

– Ладно. Тогда слушай внимательно и постарайся поверить, что сказанное мной – правда. Большой Корабль действительно был. И его пассажиры в самом деле спали много десятков лет...

Из того, что он говорил, кое-что мне было известно. Частично еще со школьной поры, отчасти из старых легенд, а также от Герсебома, который успел поведать мне о том, что знал. Когда ученые научились отыскивать во Вселенной планеты, пригодные для жизни, рассказывал Брант, на Земле проживало слишком много людей. Поэтому земляне стали строить Большие Корабли и отправлять на них переселенцев. Из-за своих огромных размеров эти корабли могли летать только очень медленно...

– Медленно? – переспросил я.

– Ну, скажем, побыстрей, чем твоя «Клео», – ухмыльнулся Брант, – но все же медленней, чем луч света.

– Значит, маленькие корабли могут летать быстрее?

– Намного быстрее. Именно потому, что они маленькие. Не перебивай меня!

– Пожалуйста!

– Самым неприятным было то, что Большие Корабли не могли вернуться.

– Почему?

– Дальний полет оказывался настолько труден, что заложенных в конструкцию ресурсов на возвращение не оставалось. Корабли выходили из строя и не годились уже ни на что. А у Земли больше не было сил, чтобы строить новые. Это был абсолютный тупик. Потом на Земле произошли события, из-за которых связь с колониями надолго оборвалась. Но это другая история, на ней я останавливаться не буду. Колонии постепенно угасали...

– Я не считаю, что мы здесь, на Грете, угасаем! – возразил я. – Каких-то пятьдесят лет назад у нас не было паровых машин и корабли в океане ходили под парусами.

– Вы утратили знания и технологии, вам пришлось все начинать с чистой страницы. Когда-нибудь вы снова откроете, что сжигать топливо внутри двигателя намного выгодней, чем снаружи, и многое другое. А пока самое высшее достижение вашей цивилизации – жареные щупальца морских тварей.

– Я не хочу с тобой спорить, – заявил я. – Продолжай, пожалуйста.

– Надежда появилась, когда примерно тридцать лет назад мы обнаружили Станции. Мы не знаем, кто их строил, но они есть почти на каждой кислородной планете. Через Станции можно попадать в другие миры без звездных кораблей. И почти сразу нас постигло жестокое разочарование. По неизвестным нам причинам, создатели Станций заложили в них жесткое ограничение: через каждую Станцию может пройти не более двадцати человек в год.

– Ну и сколько из вас побывало в этом году на Грете? – поинтересовался я.

– Нисколько, – ответил Брант. – Это нас и спасло. Наши враги отрезали нам все пути и лишь единственный – в ваш мир – оставался открытым. Только поэтому нам удалось ускользнуть от ищеек.

– К сожалению, ненадолго, – заметил я. – Ищейки тоже прошли этим путем.

– Потому что Станциями очень просто пользоваться, это доступно каждому, – сказал Брант. – Загадка в том, как они работают. Все эти годы лучшие ученые Земли пытались понять принцип их действия и терпели неудачу за неудачей.

– Любую машину можно разобрать, чтобы понять, как она устроена, а потом собрать в прежнем виде, – возразил я.

– Одну Станцию как-то попытались «разобрать», – презрительно фыркнул Брант. – Теперь в том месте воронка глубиной в сто метров. После того случая все сведения о Станциях засекретили, пользоваться ими можно было только по особому распоряжению правительства. На каждой планете, где они имелись, из числа местных жителей выбрали смотрителей, которые должны были помогать добраться до Станции гостям, попавшим в этот мир с другой планеты. Одним из них и был твой друг Герсебом...

Брант на секунду замолчал, а потом продолжил с коротким смешком:

– Кстати, это еще один сюрприз создателей Станций. Тот, кто проходит через нее, попадает именно в тот мир, куда и намеревался попасть. Но выходит из кабинки, которая работает только на выход. И всегда очень далеко от основной Станции этого мира, с которой можно сделать следующий шаг... Зачем так было задумано – никто не знает. Потому мы с Лоттой и Геммом оказались в каких-то развалинах в пригороде столицы, а не сразу на Золотом острове.

– Чем так важен для вас Гемм? – спросил я.

– Отцу Гемма удалось то, чего не удавалось никому до него. Он подобрался ближе всех к разгадке. Он понял, как работают Станции. Оставалось совсем немного, чтобы разобраться, как их строить и как открывать для всех, кто захочет ими воспользоваться. Ты понимаешь, что это для нас означало? Не только для нас, но и для вас тоже!

– Понимаю, – кивнул я. – По Климбу будут слоняться толпы пришельцев, цены на жилье вздуются до небес, а на мясо каракатиц – до звезд. Впрочем, это, последнее, меня, пожалуй, скорее устраивает. Но все же при чем тут мальчик?

– Тебе не кажется, что нам пора отправляться? – сказал Брант. – Я доскажу тебе на следующем привале.

Он был прав. Задерживаться нам действительно не стоило. До темноты оставалось всего часа два и за это время нам предстояло миновать немалое расстояние. К ущелью, в котором скрывалось устройство, называемое Брантом Станцией, можно было добраться двумя путями. Один, строго на север, проходил по ровному, но открытому со всех сторон пространству без единого укрытия. Дорога эта была нам категорически заказана, потому что где-то там рыскали наши преследователи, наткнуться на которых мы могли очень легко. Другой – через скальный хребет в восточной части острова. И это была уже вовсе не дорога, а прерывистая тропа в нагромождении камней, изобилующая крутыми подъемами и спусками, глубокими расщелинами и обрывами, любой из которых мог оказаться для нас последним. Ее показал Герсебом в последнее наше с ним посещение Золотого острова, и я постарался запомнить этот путь,

как запоминал все то, что он поведал мне с той поры, когда объявил, что решил сделать меня своим преемником.

Я проходил здесь дважды и вел своих спутников, полагаясь на память, однако когда мы выбрались из кустарника понял, что ошибся. Чтобы попасть в нужное место, предстояло пройти по границе кустарника изрядное расстояние. Между тем начинало смеркаться, небо стало покрываться облаками: зона штиля в центре урагана постепенно смещалась от нас в сторону. Я ускорил шаги, некоторое время мы почти бежали. Ни Гемм, ни Лотта не произнесли ни единой жалобы, но оглянувшись на них в очередной раз, я увидел, насколько они выбились из сил, и понял, что очередной короткий отдых им просто необходим.

Взглянув на меня с молчаливой благодарностью, Гемм и Лотта не опустили, а рухнули на траву. Я велел Горану дать им напиться, а сам присел рядом с Брантом.

– Так при чем же тут Гемм? – спросил я.

– Об открытии узнали те, кто не должен был узнать. Его цена невероятно велика – тот, кто им владеет, владеет космосом. Они похитили отца Гемма вместе со всей семьей. Я не стану рассказывать, как и сколько времени их искали, важно что в конце концов мы обнаружили место, где их скрывают. Похитители были готовы на все, чтобы удержать ученого, во время операции по его освобождению погибло много людей. К сожалению, родители Гемма тоже... Но незадолго до этих событий отец Гемма успел спрятать свое открытие в нем, своем сыне.

– Как? – поразился я.

– Я не смогу объяснить, а ты не сможешь понять. Он спрятал информацию в его мозге.

– И каким образом ее будут извлекать? Отрезать голову и вычерпывать ложкой?

– Никто никого не станет резать, – возмутился Брант. – Неужели ты думаешь, что его отец позволил бы подобное! Все гораздо сложнее и деталей я не знаю сам. Наша задача с Лоттой – доставить Гемма на Землю живым и невредимым.

– Полагаю, у ищеек задача точно такая же, – предположил я. – Только доставить они его должны в какое-то другое место. Скажи, Брант, а вам его не жалко?

– С мальчиком не произойдет ничего плохого, – проговорил Брант, но в его ответе я не услышал уверенности.

– Вы не сумели уберечь его отца, так почему вы так уверены, что сможете защитить Гемма? Самые страшные ваши тайны очень быстро становятся известны врагам. Почему?

– Хотел бы я знать, – мрачно проговорил Брант. – Но за ними стоят очень мощные силы, совладать с которыми трудно даже правительству.

– Я понял. У вас тоже есть свой Локуфа, – рассмеялся я. – Только он намного опасней, чем наш.

По выражению лица Бранта я понял, что задел болезную тему и обсуждать ее он не желает.

– Как мы пойдем дальше? – сухо спросил он.

– Через скалы, мимо лагуны. И нам следует поторопиться. Ваши ищейки знают, что вы здесь и зачем. Думаю, также им известно хотя бы примерно, где находится Станция. Мы опережаем их, но не очень много. Значит, все зависит от скорости. Особенно если им удалось напасть на след. Это вполне возможно: людей у Локуфы достаточно, чтобы как следует прочесть местность.

Итак, через десять минут мы снова пустились бежать. Скалы приблизились, и я, наконец, узнал то место, где начиналась дорога к лагуне. Почва здесь вздымалась высоким каменным горбом. Нам предстоял затяжной подъем изрядной крутизны и этот участок пути следовало считать самым легким. Подъем был достаточно крут, и мы двигались намного медленней: силы у всех – кроме Бранта – были на пределе. Я и Горан немного обогнали остальных. Он должен был узнать все, что рассказал Брант, и я, вкратце, пересказал ему содержание наших бесед. У Горана на языке вертелись десятки вопросов, но отвечать у меня не было сил, да и ответов, по правде говоря, я не знал.

Мы взбирались все выше, а погода между тем стремительно портилась. Тучи потемнели, приближая наступление ночи, поднялся ветер, а за ним начал крапать дождь. Он был совсем не сильным, и, пожалуй, впервые в жизни я об этом сожалел. Стена сплошного ливня пусть и затруднила бы путь, зато надежно укрыла бы нас от врагов. Шагавший последним Брант периодически останавливался, осматривая окрестности в свое зрительное устройство. Я тоже боялся появления погони, потому что все время подъема по голому склону наш маленький отряд мог легко увидеть любой, кто появился бы из кустарника. Так оно и случилось.

– Они нас обнаружили! – крикнул Брант. – Быстрее! Быстрее!

Я оглянулся, но без прибора Бранта из-за расстояния и сгуставшихся сумерек ничего разглядеть не сумел. Видимо, враги располагали точно такими же зрительными приборами, позволившими нас засечь.

Мы принялись карабкаться вверх со всей возможной быстротой. Брант тащил за собой мальчика, Горан пытался помочь Лотте, но та даже не позволила ему взять поклажу. Словно открыв в себе новый источник сил, она легко двигалась, перепрыгивая с камня на камень. Вершина бугра была уже недалеко. Перевалив через наивысшую точку, мы стали спускаться к лагуне – маленькому внутреннему морю острова, глубоко вдающемуся в сушу и соединенному с океаном узкой, мелкой и извилистой протокой. Кабы не эта подобная ручью протока, пройти которой можно было бы лишь на нашем крохотном ялике, лагуна могла бы стать отличной стоянкой для корабля. Зато для рыб и небольших моллюсков, спасавшихся здесь не только от Зева Дьявола, но и от крупных морских хищников, неудобная для судов протока преградой не была. Воды лагуны кишели живностью круглый год.

Темнота сгущалась, а смоченный дождем камень скользил под ногами, что вынуждало нас двигаться медленней и осторожней. Я очень надеялся, что наши преследователи испытывали те же трудности. Во всяком случае, когда с последним отблеском дневного света мы спустились к берегу лагуны, никаких признаков погони я не услышал. Судьба предоставила нам отсрочку, ни ищейки, ни люди Локуфы не смогут обнаружить нас ночью в диком каменном лабиринте, окружавшем залив. Теперь мы шли практически на ощупь. Мне помогали ориентироваться вспышки молний приближавшейся бури, но настал момент, когда я осознал, что двигаться дальше просто невозможно, нужно дожидаться утра.

Ничего похожего на вчерашнюю пещерку нам обнаружить уже не удалось. Кое-как мы расположились на ночь на крохотном пятчке меж каменных глыб под нависающей скалой, завернувшись в одеяла и тесно прижавшись к друг другу. Быстро возвращался ночной холод, но зажигать костер было нельзя. Нам предстояла нелегкая ночь. Гемм вымотался настолько, что отказался от еды. Да и сам я с немалым трудом заставил себя разжевать и проглотить свою порцию, запив холодной водой да глотком спиртного из последнего резерва.

Погоня осталась позади. Далеко ли – близко ли, но преследователи вряд ли сейчас находились в лучшем положении, однако все же мы не рискнули обойтись без несения дежурства. Я заступил на пост первым. С расчехленным ружьем в руках, я до боли в глазах всматривался в кромешный мрак, лишь изредка прорезаемый бликами молний, вслушивался в шум усиливающегося дождя, перекрывающий все прочие звуки, и понимал, насколько бесполезно и бессмысленно мое занятие.

Текли часы. В положенное время меня сменил Брант, а я, плотно завернувшись в одеяло, уснул мгновенно, несмотря на холод.

* * *

Меня разбудил ветер. Холодный и мощный поток сорвал с моего лица одеяло и будто надавал тугих пощечин. Я увидел, что мои спутники тоже проснулись и, скорее всего, по той же причине. Низко над нашими головами мчались тяжелые тучи, началась мелкая морось, гро-

жившая обернуться настоящим ливнем. Зев Дьявола продолжал прогулку по извечному маршруту, благостный и безветренный глаз бури сместился в другую часть острова, а место нашей ночевки оказалось в центре бушующей стихии.

Ветер свистел меж камней и скал с такой силой, что, для того чтобы тебя услышали, приходилось кричать едва ли не во весь голос.

– Горан! – заорал я. – Берем с собой только веревки. Все прочее оставляем здесь.

– Ружье, капитан? – Горан показал на мою самозарядку, но я отрицательно помахал рукой. Ружье нам не понадобится, потому что вряд ли поможет, если мой план не увенчается успехом. Впрочем, я не собирался расставаться со своим оружием навсегда и намеревался сюда обязательно вернуться.

В том случае, если у нас все получится.

Гемм дрожал от холода, но храбро отшвырнул одеяло. Его тут же подхватил ветер, готовясь унести, но Горан ловко поймал и снова укутал плечи Гемма, шепнув ему на ухо что-то ободряющее. Все верно, это одеяло мы успеем выбросить когда угодно. Я обвязался концом веревки, бросил ее Горану, который тут же закрутил ее вокруг пояса Гемма. Следующим в цепочке был он, за ним Лотта и, последним, Брант. Пригнувшись, мы друг за другом двинулись навстречу ветру, семеня, шатаясь и оскальзываясь, словно опьяневшая многоножка.

Буря сделала утро почти продолжением ночи, я видел путь лишь на несколько десятков шагов вперед. Однако принесенная Зевом Дьявола мгла не помешала мне разглядеть нужный поворот. Мы заползли в трещину, обе стены которой можно было достать руками. Столкнувшись с мощью камня, ветер здесь потерял силу, очередные двести шагов мы прошли будто на прогулке. Но трещина мелела, мы постепенно поднимались к ее краям и скоро вновь оказались на открытом пространстве. Ощувив под ногами мокрую и скользкую поверхность выглаженного тысячелетними ветрами камня, я упал на четвереньки и моему примеру последовали все. Гемм сбросил одеяло. Тяжелую от влаги ткань тут же подхватил ветер. Поднять ее в воздух ему не достало сил, он просто смел его в обрыв, как швабра во время уборки сносит мусор с палубы корабля.

Это участок скалы, похожий на гладкий черепаший панцирь, мы и преодолевали со скоростью черепахи, цепляясь пальцами в малейшие неровности камня. До относительного укрытия было около ста шагов, которые сделались для нас тысячей, и мы их все же проползли. Сгрудившись в крохотной щели под защитой скалы, мы переводили дух и считали потери в виде сорванных ногтей и лоскутьев кожи на ладонях.

Брант что-то прокричал мне, я не сумел разобрать, знаком попросил повторить, но он лишь безнадежно махнул рукой.

Следующий участок пути был немного проще. Мы лезли вверх по естественной каменной лестнице, практически полностью защищенные от ветра. Правда, навстречу нам потоком мчалась вода. То и дело кто-то за моей спиной оскальзывался, и только усилиями остальных в связке, цеплявшихся за стены, за воздух и друг за друга, мы не скатывались вниз.

Я выполз наверх и оказался в глубокой луже, налитой ливнем в углублении скалы. Гемм и остальные плюхнулись в лужу вслед за мной, зато, преодолев ее, мы получили возможность перевести дух. Выбравшись из воды, я заполз в темную пасть каменной норы, прополз еще столько, сколько полагал необходимым, чтобы Брант – последний в нашей связке – втянулся под его своды, потом сел, ослабил соединяющую всех нас веревку и помог Гемму принять положение, по моему разумению наиболее подходящее для отдыха.

Потерявший Зев Дьявола неистовствовал снаружи, его гнев плотно запечатывал вход, проступавший на фоне окружавшей нас пещерной темноты мутным светловатым пятном. Но здесь было сухо и почти тихо, если не считать визгливого воя залетавших сюда по ошибке сквозняков.

– Где мы? – услышал я голос Бранта.

– В тоннеле, который выведет нас почти к самой Станции, – ответил я. – Нам повезло, Брант, нам все удалось. Теперь наш путь пойдет только вниз. Иногда немного в сторону, влево и вправо, но в основном вниз. Правда, придется еще немного поползть на брюхе, но обещаю, что ни в океан, ни на камни нас уже не сдует... Лотта, как вы себя чувствуете?

– Со мной все в порядке, Якоб. – Звук ее удивительного голоса взбудрил меня лучше глотка спиртного. – Горан мне очень помог.

– Мы все одинаково помогали друг другу, – усмехнулся в темноте Горан. – Если бы не вы, Лотта, да не Гемм – летать бы мне уже давно над океаном. Ты слышишь меня, Гемм? Спасибо тебе, дружище!

– Я просто делал что мог. – Гемм был настолько измотан, что не мог оценить его шутки.

– Потерпи немного, парень, – тихонько, так чтобы слышал только он, сказал я. – Скоро все это закончится.

– Ваш корабль уже никогда не будет плавать, – сказал он в ответ так же тихо. – Мне очень жаль, капитан Якоб. Мне очень понравилась ваша «Клео».

– Не беспокойся о судне, – зашептал я в свою очередь. – С «Клео» все будет нормально.

– Ураган снова переместится, – громкий голос Бранта перекрыл и прервал наши перешептывания. – Станция выйдет из зоны бури.

– Конечно, – ответил я. – Так оно скоро и будет.

– Чего мы ждем?

– Там внизу лужа, подобная той, в которой мы только что купались, – объяснил я. – Только в двадцать раз шире и раза в три глубже. Она закупорила выход. Пока ливень не кончится и вода не стечет, нам из тоннеля не выбраться, если у вас нет желания поплавать. Поэтому сейчас можно немного перевести дух.

Горан пошевелился, и в его движении я ощутил вопрос и смутную надежду.

– У вас осталось что-нибудь во фляжке, капитан? – спросил он.

– Немного. – Я отстегнул фляжку от пояса, взболтнул, чтобы оценить количество содержимого, и передал в ищущую руку Горана. – Пьем до дна. Каждому по два полных глотка.

Что происходило в темноте, я видеть не мог, но, по ощущениям, от своей порции не отказалась и Лотта. Фляжка вернулась ко мне, и я до последней капли допил то, что в ней оставалось. Некоторое время мы сидели во всеобщем молчании, которое мне захотелось нарушить.

– Брант, Лотта, – позвал я. – Все вертится у меня в голове вопрос, который мне очень хочется задать. Скажите, а какой нам здесь, на Грете, прок от великих перемен, которые наступят, если все вам удастся?

Я услышал, что Лотта тихонько засмеялась. Смех ее был подобен журчанию чистого родника – мне так показалось, несмотря на то что всяческого водяного журчания мы в этот день наслышались на полжизни вперед.

– Разве вам не хочется посмотреть иные миры, капитан Якоб? – спросила она. – И особенно Землю, родину всех людей, откуда прилетели на Грету ваши предки.

– Насколько я понял из рассказа Бранта, родина эта сейчас не такое уж приятное место.

– Нужно посмотреть, чтобы понять и оценить, – возразила она. – Зато там есть многое из того, о чем на Грете давно забыли и о чем мы могли бы с охотой вам напомнить. Например, вам хотелось бы иметь более быстрое, более надежное судно?

– «Клео» надежное судно, – обиделся я. – И самое быстрое на побережье, в чем вы недавно сами могли убедиться.

– Он просто не понимает о чем идет речь, – с внезапным раздражением заговорил Брант. – Послушай, капитан! Звездный корабль, на котором сюда прилетели ваши предки, сгнил сотни лет назад, а вместе с ним вы утратили все. Вы разучились лечить болезни, вы совсем недавно узнали, что такое электричество, в качестве топлива вы жжете сырую нефть и вообще живете почти как пещерные люди. Но дело не только в этом. На вашей планете вы

не занимаете и тысячной части территории, тогда как существуют миры, населению которых уже не хватает даже воздуха!

– Нашего воздуха хватит на всех, – примиряюще проговорил я. – Мы всегда рады гостям, если только они не возьмутся учить нас жизни.

– Значит, несмотря на все ваши умения и знания, вы не сумели сохранить ваш мир пригодным для существования? – вмешался Горан, которого слова Бранта задели за живое. – И теперь хотите сделать то же самое с Гретой?

– Никто с вами ничего не сделает, – хмуро сказал Брант. – Люди не настолько глупы, чтобы повторять однажды совершенные ошибки.

– Ну а нам-то какой от того прок? – допытывался Горан.

– Мы принесем цивилизацию, – возбудился Брант. – Мы перенесем вас на сотни лет вперед. Прогресс и цивилизация! Ты узнаешь много новых полезных вещей и очень скоро будешь недоумевать, как же мог обходиться без них прежде. Поверь, так оно и случится!

– Прогресс и цивилизация, – повторил я. – Почему же вы не принесли эти вещи нам раньше? Ты же говорил, что теперь у вас есть корабли, способные передвигаться очень быстро. Почему за столько лет мы не видели на Грете ни одного из них? Почему вы не пытались помочь, когда нам приходилось особенно трудно?

– Потому что на Земле хватало своих проблем, – сказал Брант.

– А я думаю потому, что мы не могли вам ничего дать, – с вызовом проговорил Горан.

Брант набрал воздуха, намереваясь ответить, но передумал и лишь буркнул что-то неразборчиво и с досадой.

– Что вы будете делать, когда мы вас покинем, капитан Якоб? – спросила Лотта.

– Починим «Клео» и отправимся в Климб.

– Вместе с Локуфой? – саркастически осведомился Брант.

– Мы подождем, пока Локуфа не уберется отсюда. Он не будет торчать на острове вечно – вот-вот придет зима. Нас с Гораном он искать не будет, да и не найдет, если даже очень захочет. А нам спешить некуда. Если мы задержимся с ремонтом, то вполне можем переждать самые злые зимние месяцы здесь. На острове достаточно пищи и воды, чтобы жить тут сколько угодно. Конечно, дело не мое, но я бы и вам посоветовал не торопиться. Опасные времена и обстоятельства лучше переждать в спокойном месте. Я сумею укрыть вас до тех пор, пока ищейкам не надоест тут рыскать.

– Зимовать в пещере? Нет уж, спасибо, – пробормотал Брант. – К тому же у нас есть задание, которое мы обязаны выполнить.

– Это задание называется «Гемм», – прошептал я совсем тихо, и только Брант – он сидел рядом – меня услышал.

Несмотря на свою неисчерпаемую мощь, Брант, кажется, тоже начал уставать. Во всяком случае, продолжать спор он не пожелал, и надолго. А через некоторое время я услышал его мощное, ровное дыхание крепко спящего человека.

– Капитан Якоб! – прошептал Гемм. – Это правда, что вы почините «Клео»?

– Правда, – шепнул я в ответ. – Это в самом деле не слишком трудно и произойдет очень скоро.

* * *

О том, что преграждавшая дорогу вода ушла, я узнал по начавшемуся движению воздуха в тоннеле. Едва заметный вначале слабый сквозняк превратился в ровный ветерок, дувший нам навстречу, и хотя Брант зажег и передал мне последний из своих светящихся стержней, особой нужды в нем не было: чтобы не сбиться с пути достаточно было двигаться точно на ветер.

Не сказать, что идти по тоннелю было очень уж легко: нам приходилось протискиваться в узкие щели сходящихся стен, ползком преодолевать места, где потолок опускался настолько низко, что не удавалось встать даже на четвереньки, однако мы без особых задержек двигались вперед, приближаясь к выходу. Полностью сосредоточившись на этом движении, я потерял счет времени да и не пытался его вести, но настал момент, когда впереди забрезжил свет. Ход постепенно расширялся, и, наконец, мы вышли на каменный берег дождевого водоема, на противоположном берегу которого светилась щель выхода.

Я ступил в воду первым – ее здесь оставалось примерно по пояс – и осторожно побрел по неровному дну. Однако, чтобы выбраться наружу под низким сводом выхода, пришлось присесть, погрузившись по горло. И хотя мы и так десять раз подряд промокали за день насквозь, очередное купание никому удовольствия не доставило.

Снаружи посветлело. Непогода не кончилась, но мощь уходящей бури ослабла в несколько раз. По небу все так же мчались тучи, то и дело выжимающие из своей призрачной тверди дождевую морось. Вокруг были все те же мокрые скалы, камни и ни единого зеленого ростка.

– Куда теперь? – спросил подошедший Брант.

Я осмотрелся. Древний потухший вулкан, в теле которого неведомые создатели спрятали Станцию, был уже совсем рядом, его вершина то и дело показывалась в разрывах низких туч. Туда лежал наш путь. Было холодно, но усилия, которые приходилось затрачивать на преодоление каменных баррикад, не позволяли нам замерзнуть окончательно. А скоро око урагана вновь одарило нас своей благодатью: дождь прекратился и стихающий ветер вместе с показавшимся солнцем худо-бедно высушили нашу одежду. И когда холодный камень под ногами кончился и мы вступили в рощу, протянувшуюся до подножья горы, то почувствовали себя почти в полной безопасности.

Кустарник здесь был слаб и невысок, он не мешал нашему продвижению, и скоро мы вышли к ложнине, вырезанной в склоне, словно кусок из пирога. Здесь я остановил наш отряд. Постепенно сужаясь, ложнина превращалась в ущелье, заканчивающееся тупиком.

– Брант! – позвал я. – Если нас опередили и устроили засаду, мы попадемся, как тюлень каракатице.

– Я пойду проверю путь, – сказал он. – Ждите меня здесь.

– Нет, – задержал я его. – Мы разделимся. Ты пойдешь по левой стороне ложнины, мы с Лоттой по правой. Пусть Горан с мальчиком ждет нашего возвращения в кустарнике у склона: если с нами что-то случится, он сумеет укрыть Гемму и позаботиться о нем.

Брант ненадолго задумался и согласно тряхнул головой.

– Отправляйтесь через три минуты после меня.

Он исчез мгновенно и бесшумно, будто растворившись среди ветвей. Отсчитав двести ударов сердца, я начал движение, позвав за собой Лотту. Мы осторожно переходили от укрытия к укрытию, стараясь не тревожить ни веточки, ни камешка и я тут же убедился, что Лотта в этом искусстве превосходит меня многократно. Она скользила неслышно и гибко, а я тащился словно тюлень, выброшенный на берег приливом. В конце концов, ей это надоело. Лотта дождалась, пока я с ней поравняюсь, и негромко сказала:

– Капитан Якоб, оставайтесь здесь. Я посмотрю сама.

– Хорошо, – согласился я, кое-как переведя дух. – Но не торопитесь, Брант и сам сделает все, что нужно.

Она собралась двигаться дальше, но я ее удержал, положив руку на плечо.

– Что будет с Геммой? – спросил я напрямик.

Я почувствовал, как под моей ладонью ее мышцы напряглись и тут же ослабли.

– Ему не причинят вреда, – нервно ответила она. – С ним ничего не случится, если он попадет к специалистам.

– Что с ним станут делать, чтобы достать из его головы эти самые секреты?

– Я не знаю, Якоб, – будто через силу сказала она. – Это очень сложно и... я не знаю.

– Но есть какая-то опасность?..

– Опасность есть всегда и повсюду, – быстро прервала меня она. – И здесь, сейчас, опасностей намного больше. Я пойду. Ждите меня.

Она двинулась вперед и мгновенно исчезла. А я поднялся и, совершенно не скрываясь, отправился туда, где остались Горан с Геммом. Впереди, никого быть не могло, ни Локуфа, ни ищейки не могли пройти этот путь раньше нас, и все, что я затеял, было задумано лишь для того, чтобы поговорить с Лоттой наедине.

Они вернулись очень быстро.

– Там все чисто, – объявил Брант. Настроение у него заметно улучшилось. – Веди нас, капитан!

Они шли за мной, растянувшись цепочкой. Стены ущелья постепенно сближались, закрывая небеса, и когда, наконец сомкнулись неодолимой, уходящей ввысь преградой, я остановился.

– Мы пришли, – объявил я.

– Где же Станция? – с волнением спросил Брант.

Я снял с шеи цепочку с диском, подошел вплотную к скале и принялся искать трещину, которую когда-то показал мне Герсебом. И почти сразу испытал смущение и замешательство. Трещин в камне было сколько угодно, но какая именно из них служила для моего диска замочной скважиной, хоть убей, вспомнить не мог. Я ощупывал скалу пальцами, тыкал в трещины ребром диска, но никакого успеха эти действия не имели. Брант и Лотта с подозрением следили за моими манипуляциями.

– Сейчас, сейчас, – бормотал я и принимался исследовать следующий участок ровно с тем же успехом.

– В чем дело, Якоб? – спросила Лотта.

– Я не помню, – со стыдом признался я. – Я не могу найти замок. Мы с Герсебомом были здесь всего один раз и я... я просто не помню.

Теперь уже мы искали нужную трещину втроем. Лотта и Брант осматривали поверхность скалы с помощью крохотных, толщиной в палец, фонариков, свет которых, как я предположил, имел электрическую природу, однако и они помогали мало. Все трещины были похожи друг на друга, и ни одна не выглядела как результат человеческого воздействия на тысячелетний камень.

Я почувствовал легкое прикосновение к плечу и обернулся. Рядом стоял Гемм. Он вдруг приложил ладонь к скале и повел тихо и осторожно, словно гладил шершавую поверхность. Отошел на шаг в сторону и повторил то же самое в другом месте. Движение его руки замедлилось и прекратилось.

– Здесь по-другому, – сказал он.

– Что по-другому? – раздраженно осведомился Брант.

– Не знаю... но скала здесь почему-то другая.

Трещина была, как трещина. Тянулась примерно на полметра, разветвляясь на несколько отростков. Я сунул в нее краешек диска и осторожно повел вниз. Диск двигался без задержки, и вдруг будто кто-то поджидавший там, внутри каменной тверди, выдернул диск из моих пальцев. От неожиданности я вскрикнул, попытался схватить ускользающий кончик цепочки, но она уже исчезла вместе с диском.

– Что случилось? – воскликнул Брант.

Мне нечего было ему ответить. В полной растерянности я стоял перед скалой, не зная, как быть дальше. Брант и Лотта молча смотрели на меня. В глазах первого загорался гнев, в глазах Лотты – тревога. Однако слов, которые наверняка приготовил для меня Брант, мне услышать

не пришлось, потому что часть скалы мягко, без шума и скрежета отъехала в сторону, открыв проход в рост человека.

– Я же говорил, что все будет в порядке, – брякнул я совершенно не к месту и первым шагнул в проход.

Здесь было достаточно светло. Длинный тоннель освещался люющим с потолка неярким светом неизвестного мне происхождения, гладкие, ровные стены были отнюдь не каменными и немного теплыми на ощупь. Тоннель шел совершенно прямо, без поворотов и ответвлений и вскоре привел нас к следующей двери, совершенно обычной на вид, которая распахнулась от легкого нажатия. За ней открылся большой круглый зал. В стенах его справа и слева имелись еще две двери, а у противоположной от нас стены стояла та самая машина, которая и представляла собой суть Станции и к которой Герсебом строго-настрого запретил мне приближаться в одиночку.

Брант нетерпеливо отстранил меня и бросился к машине. Некоторое время он что-то делал, поворачивая странные выступы на теле устройства.

– Лотта! Опознаватель! – крикнул он, принял из ее руки диск с вырезом, ткнул в открывшееся отверстие и отступил на шаг, наблюдая за темными значками, бегущими по засветившейся на передней панели машины полосе.

– Время активации перехода тридцать семь минут, – непонятно для меня сообщил он. – Скоро все закончится...

Полоса на панели тем временем меняла цвет, то вспыхивала ярче, то становилась тусклее. Мы все – особенно я с Гораном – заворожено смотрели на это зрелище, не оборачиваясь и забыв обо всем прочем.

И совершенно напрасно.

– Мы все-таки успели вовремя, – раздался за нашими спинами голос.

Я обернулся и увидел обоих наемников, тех самых, что подошли ко мне в подвальчике Фарнифа несколько дней назад, весьма довольных и ухмыляющихся. Вслед за ними в подземный зал быстро вбегали вооруженные люди, а последним неторопливо вошел Локуфа – огромный, толстый, с бородой, начинавшейся чуть не от самых глаз, сквозь которую сверкали распахнутые в довольной ухмылке зубы.

– Брант, неужели ты надеялся от нас уйти? – осведомился старший из ищеек. – Негоже красть то, что по праву принадлежит другим. Вы все, отойдите от транслятора!

У обоих в руках словно ниоткуда появились короткие пистолеты, похожие на тот, что я видел у Лотты. Мы отступили вправо, сгрудившись тесной кучкой. Лотта и Брант закрывали Гемма своими телами.

– Мы не жаждем крови, Брант, – сказал старший. – Вы отдадите нам мальчика и можете отправляться куда хотите. После нас, разумеется. Впрочем, я знаю, что ресурса этой Станции хватит еще на десяток переходов, так что беспокоиться вам не о чем.

– Вас будут искать по всему Космосу, – угрожающе проговорил Брант. – Вы не представляете, какие силы бросит федерация, чтобы наказать ваших хозяев.

– Это уже не наша забота, – равнодушно махнул рукой человек со шрамом на подбородке. – Мы всего лишь делаем свое дело. Как и ты, Брант. Именно поэтому я не держу на тебя зла, хотя по твоей вине погибло несколько моих товарищей.

– И моих тоже, – ответил Брант. – По твоей вине.

– Мы оба делали свое дело, – повторил человек со шрамом. – Отдай мне мальчика и отправляйся домой. У тебя нет другого выхода, тебя поймут и не станут уж очень сильно наказывать.

Пока происходил этот разговор, люди Локуфы придвигались все ближе, а потом четверо внезапно бросились на ищеек, совершенно не ожидавших нападения от своих союзников, обез-

оружили их и толкнули к нам. Остальные ружья нацелились на нас и на обоих вчерашних преследователей.

– Локуфа, что ты задумал? – осведомился старший наемник. Страх в его голосе не было – одно лишь спокойное недоумение. – Что ты задумал? Мы хорошо заплатили тебе и твоим людям. Сейчас ты получишь еще немалую сумму. Ты нарушаешь наше соглашение.

– Я его меняю, – ответил Локуфа. – Ты скрыл от меня самое главное. Этот мальчишка стоит намного дороже.

– Сколько ты хочешь?

– Пока еще я не решил, – ухмыльнулся Локуфа. – Я должен подумать. Скажем... в десять раз больше.

– Ты все получишь, – согласился старший наемник. – Деньги будут ждать тебя в Климбе после того, как один из нас уйдет отсюда с мальчиком.

– Нет, не так, – покачал головой Локуфа. – Уходить вы можете хоть все сразу. Но мальчишку мы заберем с собой. Он вернется к вам, как только я получу всю сумму.

– Возьми в заложники меня, – предложил наемник. – Поверь, моя цена достаточно высока.

– Мальчишка останется здесь! – рявкнул Локуфа. – И по-другому не будет.

– Как скажешь, – пожал плечами старший. – Я подчиняюсь твоему решению.

А затем произошло такое, чего я не мог ожидать никак. Все четверо – и преследуемые Брант и Лотта, и преследователи – человек со шрамом и его напарник, одновременно взорвались действием, словно единый организм. Три мужчины бросились в ноги бандитам Локуфы, сбивая их подкатом по двое за раз, словно гнилые столбы. Лотта, из ладони которой будто вырос пистолет, с удивительной скоростью и точностью всаживала пули оставшимся на ногах в середину лба. И первым, получившим пулю, оказался Локуфа. Брант и наемники-ищейки тем временем сокрушали хребты, шеи и ребра тем, кто делал жалкие попытки сопротивляться. Все совершалось быстро, невероятно быстро и должно было закончиться меньше, чем за минуту, но в течение этого короткого времени я успел шепнуть на ухо Гемму несколько слов и подтолкнуть его к боковой двери, от которой нас отделяло всего несколько шагов...

Последний хрип и последний стон смолк. От Локуфы и его людей больше ничего в этом мире не осталось. Наемники и Брант взглянули друг на друга с одинаковым выражением одобрения. А потом одновременно посмотрели на нас.

– Где мальчик? – спросил человек со шрамом.

Лотта растерянно повернулась ко мне.

– Гемм побежал туда! – завопил я. – В эту дверь! Скорее! Там пропасть!

И Горан тоже закричал:

– Он побежал туда!

Мы бросились к двери, но и Брант, и оба наемника оказались быстрее. Отшвырнув нас в сторону, они ворвались в темный коридор, и, когда я вбежал туда вслед за ними, то услышал лишь удаляющийся топот ног.

Сильная рука ухватила меня за плечо, развернула и прижала к стене.

– Куда он побежал? – спросила Лотта. Сейчас ее слова звучали не хрупким звоном хрусталя, а голосом закаленной, смертельно опасной стали. Я осознал, что любая моя попытка сопротивляться будет подавлена решительно и мгновенно.

– Я был там только один раз, – пробормотал я. – Коридор кончается в пещере, там – пропасть без дна. Нужно его остановить...

Дальше слушать она не стала, отпустила меня и исчезла, словно тень. Мы с Гораном, как могли, поспешили следом. Этот коридор освещала лишь тусклая полоска-путевод на правой стене, да и она кончилась через сотню шагов и дальше мы брели практически вслепую, пока

не увидели метавшиеся блики фонарей там, где коридор выводил на неровную каменную площадку, за которой была лишь пустота.

Там, далеко внизу, лениво вздыхала океанская вода, проникшая в сердце горы сквозь подземный тоннель. А на краю площадки стоял Брант. Оба наемника были рядом. Старший держал младшего: наклонившись над провалом, тот светил туда своим маленьким, мощным фонарем. Я осторожно подошел и заглянул. Свет фонаря легко рассекал темноту до медленно колышущейся воды. На ее поверхности плавал предмет, в котором я узнал куртку Гемма...

* * *

Мы снова стояли в зале, заваленном мертвыми телами.

– У нас с тобой ничего не получилось, Брант, – с коротким смешком сказал старший наемник. – Все оказалось напрасно.

– Это вы его убили! – крикнула Лотта. – Он погиб из-за вас! Ты не понимаешь, что вы совершили.

– Ну-ну, – поднял открытую ладонь старший. – Я прекрасно знаю, что бы произошло с мальчиком, окажись он в лаборатории Агентства, где из него стали бы извлекать то, что в нем спрятано.

– Он остался бы жив, – упрямо сказала Лотта.

– Только это был бы уже совсем другой мальчик, уважаемая Лотта, разве не так? Вы бы не стали ждать, пока он вспомнит все сам, без посторонней помощи. Вам пришлось бы ждать несколько лет, а ждать, как я понимаю, никто не намерен...

– Он остался бы жив, – повторила она.

– Конечно, – улыбнулся человек со шрамом. – Без воспоминаний, без мыслей и чувств. Полагаю, в некотором отношении можно сказать, что он бы стал вполне счастлив.

– А что бы сделали с ним вы?

– Я? – удивился человек со шрамом. – Ничего. Мы должны были только найти Гемма и доставить его тем, кто нас нанял.

– Ну конечно! – воскликнула Лотта. – А дальнейшее вас уже не касается.

– К чему эти упреки? – мирно произнес старший наемник. – Нам нет никакого смысла ссориться. Все уже позади. И мы, и вы провалили свое задание. Вы вернетесь в Агентство и получите то, что, по мнению вашего начальства, заслужили: вас понизят в должности или отправят смотрителями в такие же захолустья. Может, кто-то из вас получит место как раз здесь, на Грете. Но нам тоже достанется. И побольше, чем вам. У нас другие условия контракта. Поэтому, пожалуй, мы не вернемся туда, откуда нас послали. Поищем что-нибудь поспокойней. И чтобы никто не знал, что именно мы нашли и куда делись. Брант, вы не возражаете, если мы отправимся после вас?

– Да как хотите, – сказал Брант. – Мне плевать. Какая теперь разница.

Он шагнул к машине, ткнул пальцем в одну из выпуклостей и повернулся к Лотте.

– Все готово, мы можем уходить.

Никто из них не счел нужным попрощаться ни со мной, ни с Гораном. Лотта лишь глядела мне в глаза и не отрывала взгляда, пока не пропала вместе с Брантом в неяркой вспышке.

Я отвернулся и обнаружил, что оба наемника пристально смотрят на меня, то ли с сожалением, то ли с иронией.

– Ты будешь ее долго вспоминать, капитан Якоб, – сказал старший.

– Вас я тоже не забуду, – буркнул я.

Они переглянулись и засмеялись.

– Вот и хорошо. Но нам тоже пора уходить. Жаль, что нам так и не удалось отведать моллюсков на вертеле. Желаю тебе выбраться живым с острова. Прощай, капитан!

Они подошли к машине и исчезли. А светлая полоса на теле машины погасла, и в тот же миг мы с Гораном поняли, что в зале постепенно, медленно-медленно начал меркнуть свет.

Я подошел к распахнутой двери в тоннель и негромко окликнул:

– Гемм! Они все убрались отсюда.

* * *

Было холодно, но солнечно. «Клео» плавно покачивалась на мягких волнах бухты, сверкая свежей заплатой на боку. В трюме методично чавкала помпа: Гемм старательно откачивал последние капли воды. С берега несло вкусные запахи – где-то там, спрятавшись от ветра, Горан жарил на костре последний для нас на этом острове обед.

То, что я шепнул Гемму, когда в зале Станции происходила схватка между бандитами Локуфы и пришельцами, он услышал, понял и выполнил предельно точно. Добежал до пропасти и спрятался в расщелине. Швырнуть вниз свою куртку я ему не советовал – это он сам придумал. А потом, когда все утихло, Гемм вернулся к нам.

Из того, о чем говорили Брант и наемники, я понял: когда-нибудь Гемм вспомнит то, что завещал его отец. Вспомнит, если захочет. Если ему это понадобится. Только решать тогда уже будет он сам. Но пока он будет делать только то, что ему нравится. А нравится ему плавать вместе со мной и Гораном на лучшем судне побережья. Вот так мы с Гораном приобрели неплохого юнгу, из которого когда-нибудь возможно получится капитан.

Туп-туп, туп-туп – стучала помпа и вдруг смолкла. Крышка трюмного люка откинулась, и над палубой показалась голова Гемма.

– Капитан Якоб! – позвал он. – Воды в трюме больше нет.

На берегу показался Горан. Забравшись в ялик и осторожно пристроив меж банок вертела с дымящимся мясом молодой каракатицы, он оттолкнулся веслом от берега и развернул ялик носом в сторону «Клео».

– Юнга, на борт! – крикнул я. – Принять шлюпку! Готовиться к отплытию!..

Гемм выскочил из трюма и побежал встречать Горана.

Мертвые земли

Отчего-то этой ночью сон мой был особенно долог и крепок, разбудил меня лишь металлический щелчок – такое случалось со мной крайне редко. Щелчок означал, что уже семь утра и двери наших камер открыты электрическим импульсом, посланным с центрального пульта охраны. С этого звука начинался день каждого из обитателей нашего дома.

Я кое-как открыл глаза. Над дверью скудно светилась синяя ночная лампочка. Окно оставалось темным: длительность осенней ночи все увеличивалась, а наружное освещение здесь отключалось ровно в одиннадцать вечера из экономии. Я поднялся и подошел к окну. Это действие было чисто рефлекторным, сквозь стекло, словно заклеенное с улицы черной бумагой, ничего разглядеть было невозможно. Лишь включив свет, я увидел прутья решетки и убедился, что за прошедшую ночь в моей судьбе ровным счетом ничего не переменялось. Я по-прежнему находился в заключении, в своей камере.

Строго говоря, это место называлось не тюрьмой, а спецобъектом номер такой-то – дробь – такой-то. Хозяева называли его еще мягче – Питомником. Занимаемые нами помещения именовались, естественно, не камерами, а комнатами, что, впрочем, никак не отражалось на сути. Предназначением Питомника была строгая изоляция его населения от всего остального мира. А намертво привинченные к полу ножки кроватей и стола, наличие в каждой комнате унитаза и умывальника и, напротив, отсутствие иных предметов мебели (исключая стенной шкаф за раздвижными дверцами), обнажали эту суть до полного неприличия.

Я попал сюда в результате собственной глупости, и осознание этого обстоятельства, точнее, не утихающий сарказм по отношению к самому себе, не позволяло мне окончательно податься меланхолии. Когда началась эпидемия и страна фактически распалась на удельные владения тех, кто в тот момент обладал реальной властью над территориями – будь то партийные выдвиженцы или обыкновенные бандиты, – способ моего существования не претерпел почти никаких изменений. Болезнь надо мной была не властна, а преодолевать всевозможные кордоны на границах областей и городов, да и вообще на каких бы то ни было границах, не представляло для меня труда никогда. Я путешествовал по-прежнему, нигде не задерживаясь надолго и стараясь не привлекать к своей персоне излишнего внимания.

Ловушки на меня расставлялись достаточно давно, хотя и без малейшей надежды на успех: моя поимка как следствие спланированных и организованных действий была невозможна в принципе. Встретиться со мной кому бы то ни было можно лишь при наличии на то моей собственной доброй воли, или моей же беспечности. Как раз это, последнее, и произошло. Я всегда держал в поле зрения своих потенциальных недоброжелателей – криминальные организации и работающих на них продажных сотрудников милиции. Федеральная служба безопасности в число возможных врагов никогда не входила. Во-первых, потому что я никогда не преступал Закона. Во-вторых, даже если бы такое случилось, ФСБ до того не должно было быть никакого дела – мелкая сошка вроде меня вне компетенции этой организации. В-третьих, я не предполагал, что спустя пять лет после начала Катастрофы она все еще сохраняет былые силы и влияние. Ну, и последнее. Я ровным счетом ничего не знал (добавлю: и не мог знать) о существовании Конторы и конечно же самого Проекта. Поэтому взяли меня очень легко.

Ненадолго посетив унитаз, я вяло помахал руками, имитируя зарядку, затем побрился и почистил зубы. Несмотря на все проделанные процедуры, спать мне сегодня хотелось по-прежнему, я даже задумался на минуту: а не забраться ли обратно в койку, наплевав на завтрак, однако чувство голода победило дрему. Я достал из шкафа и натянул одежду – светло-синие брюки и куртку, нечто среднее между больничной пижамой и униформой заключенного, после чего вышел в коридор.

По-видимому, разоспался сегодня не один я. И коридор, и открывавшаяся в его конце общая комната, которую мы называем гостиной, были тихими и пустыми. Лишь из-под двери моего ближайшего соседа Игоря выбивалась полоска света. Разумеется, я не стал стучаться. Пробуждение – процесс сугубо интимный и вмешиваться в него посторонним непозволительно. Хотя посторонними любого из нас по отношению друг к другу можно называть весьма условно. Все мы здесь находились примерно по одной и той же причине.

Но именно в этот момент я почувствовал приглашение Игоря и зашел в его комнату.

– Доброе утро, – сказал я.

– Доброе, – ответил он без энтузиазма. – Хотя я в этом сильно сомневаюсь.

– Отчего такой пессимизм?

– Что-то происходит, – сказал он. – Что-то назревает... Тучи какие-то сгущаются.

У Игоря тонкое, нервное лицо потомственного интеллигента. Он очень редко улыбается, но выглядит скорее не мрачным, а сосредоточенным, глубоко ушедшим в себя, чем бы не занимался – от игры в шахматы до поглощения пищи. Я уже успел убедиться, что его предчувствиями пренебрегать не следует. Но что могло случиться с нами здесь?

– Почему тебе так кажется?

– Не знаю, – покачал он головой. – Ничего конкретного.

– Может быть, кто-то опять намерен донимать нас непонятными и бессмысленными вопросами?

– Может быть... А может, просто плохая погода. – Игорь решительно поднялся. – Ладно, пойдем к Ежику.

Комната Ежика последняя в коридоре по нашей с Игорем стороне. Ежик сидел на кровати, подобрав ноги под себя, и безоблачно улыбался.

– Проснулся, Ежик? – спросил Игорь. – Тогда поднимайся, дружище, скоро завтракать.

Когда Игорь разговаривал с Ежиком, лицо его становилось другим. Разглаживались сеточки морщин возле уголков глаз, взгляд делался мягче. Мы все хорошо относились к Ежику, но Игорь привязался к нему больше всех.

Он помог Ежику одеться и подтолкнул к умывальнику. Ежик недовольно заворчал – умываться он не очень любил – но все же открыл кран, намочил ладони и старательно протер лицо.

– Ну вот видишь, как хорошо, – одобрил Игорь, вытирая его полотенцем.

– Плохо, плохо, – возразил Ежик, отфыркиваясь.

Ежик был похож на Иванушку-дурачка, каким его рисуют в детских книжках: круглолицый, курносый, с золотистыми волосами, вьющимися крупными кольцами. Он и на самом деле был дурачком. Олигофрения в степени дебильности. Совершенно безобидным, по меньшей мере для нас, несмотря на могучее, атлетическое телосложение, трогательно-ласковым, абсолютно бесхитростным и потому все мы ломали головы, пытаясь понять, зачем Ежик тут оказался.

– Молодец, Ежик, – сказал Игорь, завершив утреннюю процедуру тем, что причесал ему щеткой золотистые кудри. – Совсем красавец стал. Посмотри-ка на себя в зеркало!

Но смотреть в зеркало Ежик не захотел.

– Плохо, – повторил он жалобно, словно прислушиваясь к чему-то извне, слышному только ему.

Мы с Игорем переглянулись.

– Что плохо, Ежик? – спросил я. – Что тебя беспокоит?

Но Ежик уже забыл о своем волнении. Он не умел сосредотачиваться надолго.

– Кушать надо, – объявил он. – Ежик будет кушать, и Игорь будет кушать, и Профессор тоже, и Вартан, и Костя...

Он первым вышел из комнаты и торопливо зашагал в столовую, широко размахивая руками. Мы пошли следом, не пытаясь за ним угнаться: когда Ежик спешил к столу, соперничать с ним было бесполезно.

Столовая расположена в противоположном конце коридора. Дверь ее открывалась тоже автоматически трижды в день на полчаса, за которые мы должны были управиться с едой. Ну а пока мы вкушали пищу, невидимый персонал споро и ловко прибирался в наших комнатах, всякий раз их тщательно обыскивая. Смысла в этом мы не видели: все, что можно было объявить запретным и отобрать, отбиралось в течение первого же дня пребывания узника, поэтому обыски воспринимали в качестве священной традиции заведения.

Надо отдать должное, кормили тут неплохо. Не ресторан, конечно, но и на тюремную кухню не похоже. Что-то вроде заводской столовой, или даже профсоюзного дома отдыха из далеких прежних времен, в которой повара готовить не умеют, зато работают относительно честно, не сбывая продукты на сторону и обкрадывая клиентов лишь в пределах скромных личных потребностей. Вартан и Костя были уже здесь. Они расставляли на столе миски, в которые накладывали из общей кастрюли что-то дымящееся и густое.

– Доброе утро, – сказал Вартан. – Сегодня у нас геркулес, хлеб с сыром и кофе с молоком. К тому же на закуску по ложке винегрета. Но если кто-то не любит винегрет, я на него не обижусь.

– Держи карман шире, – буркнул Костя. – Тебе волю дай – за всех подметешь. И куда в тебя только влезает!

Худенький, невысокий Вартан чрезвычайно любит поест и соперничает в своей страсти к съестному с Ежиком. Как ни странно, это совершенно не отражается на его комплекции. Он очень тосковал по национальной острой еде, однако местные повара рецептами армянской кухни явно не владели. Ежик уже плюхнулся на свое место и принялся стремительно опустошать поданную Вартаном тарелку. Вартан посмотрел на него с легкой завистью, но есть начал с не меньшим аппетитом. Мы присоединились к остальным, и в комнате установилась тишина, нарушаемая лишь скрежетом ложек по дну тарелок да чавканьем Ежика. В столовой, как правило, мы не разговаривали, уделяя основное внимание еде.

Полчаса вполне достаточно для принятия пищи. Когда замигала лампочка, сигнализирующая об окончании завтрака, наши тарелки и кружки опустели. Мы покинули столовую, и она закрылась до обеда. Сейчас, восстанавливая чистоту и порядок, там орудует персонал, появившийся из-за служебной бронированной двери.

– Партию в шахматы? – лениво предложил Вартан.

– Пожалуй, – согласился я. Немедленно погружаться в работу мне сегодня не хотелось.

По сравнению со своими товарищами я находился в лучшем положении именно из-за того, что имел постоянное занятие, которое не позволяло мне скучать. Математику нужны только карандаш да стопка чистой бумаги. Конечно, очень мешало отсутствие специальной литературы и периодики, подозреваю, за последние годы я здорово отстал от своих коллег, однако предпочитал об этом не думать. Заключение вернуло меня в то очень далекое время, когда я, подобно десяткам тысяч вузовских выпускников, был готов броситься на решение любых задач за аванс и зарплату, которых вполне хватало на то, чтобы не думать о хлебе насущном. Здесь я совершенно неожиданно для себя снова начал заниматься давно заброшенной диссертацией, по памяти восстанавливая ход былых размышлений. Я не тешил себя иллюзиями: тема диссертации конечно же давно устарела и вряд ли сегодня представляла научный интерес. Я просто работал, получая от своего занятия немалое удовольствие. Собственно, за это, да еще вкупе с моим возрастом (мне стукнуло сорок – больше, чем любому из них), я и получил от товарищей прозвище Профессор. На самом деле, до того как судьба моя радикально переменилась, я был всего лишь научным сотрудником.

На нашем спецобъекте-питомнике имелаась относительно неплохая библиотека (не имеющая, впрочем, как я уже сказал, отношения к моей специальности). В книгах нам не отказывали. Вартан и Костя читали запоем, а потом обсуждали прочитанное, споря едва не до крика. Тяжелее всех из нас переносил изоляцию Игорь. Большую часть времени он проводил в своей комнате, погруженный в невеселые размышления, или беседовал о чем-то с Ежиком. Содержание их бесед оставалось для нас тайной. О чем можно было беседовать с Ежиком и, самое главное, как? Но эту тайну мы не стремились раскрыть. Зачем лезть в чужие секреты? Здесь и так оставалось слишком мало места для личного. А Ежик? Нет, конечно же я был не прав. Это он, Ежик, чувствовал себя здесь лучше всех. Пожалуй, тут ему было намного комфортней, чем в неприветливом внешнем мире.

Когда его впервые привезли сюда – до отказа накачанного транквилизаторами, безразличного ко всему и одновременно напуганного, исхудавшего, коротко остриженного, – Косте с Игорем (нас с Вартаном здесь еще не было) понадобилось немало времени и усилий, чтобы научить доверять им. Спустя несколько недель Ежик отошел, успокоился, отъелся и отрастил золотистые локоны. Ему было хорошо здесь, тепло, сытно и безопасно. Рядом с ним были друзья. Думаю, необходимость покинуть Питомник в одиночку, без нас и, самое главное, без Игоря, ввергла бы его в крайнее смятение и даже ужас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.